

Виктор Алеветдинов

Перечная свадьба на соляной дороге

Тёплая слива

Книга 3

Романтическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

**Перечная свадьба
на соляной дороге**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Перечная свадьба на соляной дороге / В. Алеветдинов —
«Автор», 2026

Свадебный караван врывается в «Тёплую сливу» после нелепой победы: мост разбит, люди ранены — и никто почти не чувствует страха. Чтобы открыть соляную дорогу, Сайя Тэн и Орин Кай должны пожениться, а древний Протокол Идеальной Пары уже решил, что они подходят друг другу. Но перечная настройка превращает храбрость в безрассудство, публичные клятвы начинают менять саму дорогу, а в Соляном Пределе механические звёзды выбирают цель для удара. Лиора и Кэн идут с караваном и сталкиваются с собственным вопросом: что значит обещание, если никакая совместимость не может гарантировать любовь? «Перечная свадьба на соляной дороге» — третья книга «Тёплой сливы», завершённого цикла из десяти самостоятельных, но связанных романов о харчевне между мирами, магии вкусов, приключениях и свободе выбирать своё будущее.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Невеста вызывает бурю	5
Глава 1. Четвёртый вечер и нелепая победа	5
Глава 2. Свадебная надбавка	11
Глава 3. Перечная метка	18
Глава 4. Невеста выбирает запретную дорогу	24
Глава 5. Трусость по договору	32
Глава 6. Дорога слышит согласие	38
Часть II. Совместимость ниже дорожной нормы	45
Глава 7. Жених с двумя подписями	45
Глава 8. Сорок один процент	52
Глава 9. Идеальный распорядок	58
Глава 10. Храбрость без пульса	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виктор Алеветдинов

Перечная свадьба на соляной дороге

Часть I. Невеста вызывает бурю

Глава 1. Четвёртый вечер и нелепая победа

Лиора выжала тряпку над ведром и ещё раз протёрла низкий стол в комнате последнего слова. За четыре дня после Илмара комнатой успели воспользоваться трое посетителей. Лиора поставила чистую чашку на полку, проверила защёлку окна и решила, что на сегодня хватит. В зале давно убрали ужин, Юнь считала выручку, а Кэну она ещё днём велела лечь раньше. Ему нужно было беречь слух, а не проверять его каждым разговором.

Она погасила две лампы и взялась за ключ от боковой двери. Со двора донёсся удар дерева о камень, следом заржала лошадь, а затем несколько людей дружно засмеялись. После удара и ржания этот смех Лиоре не понравился.

Во двор первой ввалилась повозка с колесом, которое держалось на перекошенной ступице. Возница привстал, помахал перевязанной ладонью и бодро сообщил:

— Хозяйка, место есть? Колесо поправим, людей напоим и поедем дальше.

За ним въехала вторая повозка без половины переднего борта. На третьей мужчина прижимал к груди руку, перехваченную ремнём, и смеялся громче остальных.

Лиора велела Юнь не закрывать кухню и ставить воду. Девочка выбежала из зала, увидела двор и на ходу спросила, не празднуют ли гости собственное крушение. Лиора ответила, что сначала разберётся.

С последней повозки легко спрыгнула женщина в красном дорожном кафтане. Свадебная лента на волосах потемнела от пыли, но сама женщина выглядела так, словно въехала на обычную стоянку.

Женщина назвалась Сайей Тэн, навигатором каравана домов Тэн и Кай, и потребовала ремонт вместе с самым острым чаем. Лиора вместо ответа попросила показать раненых. Сайя заметила, что все ходят, но по лицу Лиоры поняла: такого объяснения здесь не примут.

За ней сошёл высокий мужчина в сером дорожном плаще. Он сразу подошёл к повреждённому колесу, проверил ступицу, позвал двух возниц и велел подложить под ось брус.

Мужчина назвался Орином Каем и сказал, что отвечает за снабжение. Он попросил места на ночь и мастера по колёсам. Сайя тут же поправила срок: до рассвета. Орин помолчал, затем согласился, если мастер возьмётся сразу.

Лиора заметила паузу. Орин видел повреждение, но принял срок Сайи.

— Что произошло? — спросила она.

Возница с перевязанной рукой вмешался первым:

— Разбойники на мосту. Думали, свадебники побегут. А мы их сами погнали.

— Через мост?

— Через него. Край осыпался, зато они такого не ожидали.

Он поднял ладонь, словно показывал удачный товар. На ткани проступало тёмное пятно.

— Руку.

— Потом. Пустяки.

— Сейчас.

Лиора разрешила узел. Кожа на ладони была обожжена верёвкой, в ране забились дорожная пыль. Мужчина смотрел на неё без тревоги.

На вопрос о боли возница ответил, что почти ничего не чувствует. Лиора осторожно нажала рядом с ожогом. Он только пожал плечами.

Во дворе снова засмеялись. Сайя кивнула на своих людей:

— Видите? Все в порядке. Сегодня дорога сама будто перестала нас пугать.

— Дорога за вас ничего не решала. В зал. С повязками — первыми.

— У меня караван.

— А у меня харчевня. Пока вы здесь, раненые получают помощь.

Орин без возражений начал направлять людей в зал. Сайя дала Лиоре полчаса и потребовала после этого заняться ремонтом. Лиора не стала тратить время на спор: сначала нужно было понять, почему человек с открытым ожогом смеётся.

Кэн появился в боковой двери, когда Юнь принесла таз с тёплой водой. На нём была домашняя рубаша, волосы он пригладил ладонью по пути.

— Я слышал повозки.

Лиора подошла ближе, чтобы он видел её лицо.

— Караван после нападения. Много травм. Они почти не чувствуют опасности.

Кэн нахмурился и попросил повторить последнее. Лиора повторила, не повышая голоса. Он прочитал по губам и без привычной уловки признал, что скажет, если снова перестанет понимать речь.

Четыре дня назад он бы улыбнулся и сделал вид, что всё слышит. Сейчас просто принял условие. Лиора дала ему дощечку для заказов.

— Узнай, что было у моста. Коротко.

— Если начнут тараторить, буду писать.

Лиора занялась остальными. У женщины из второй повозки оказалось вывихнуто плечо, но она не просила остановки. Другой возница пил воду так жадно, что Лиора велела ему делать паузы. Юнь открыла новый лист и записала повреждения, которых люди почему-то не замечали.

Вскоре Кэн поднял дощечку. На ней было три строки: «Разбойников не задержали. Их лошади понесли к переправе. Мост закрыт».

Затем он уточнил у первого возницы, почему тот называет случившееся победой. Оказалось, разбойники просто ушли, а свадебники радовались тому, что сами не попались. Кэн показал Лиоре дощечку и назвал результат ничьёй с уничтожением моста.

Возница засмеялся, но Кэн уже не улыбался. После ещё двух коротких вопросов выяснилось, что у переправы лошади снесли чужой сарай. Караван поехал дальше, потому что счёл драку законченной.

Лиора оглядела зал. Никто из свадебников не выглядел испуганным: боль и усталость были, но не хватало той короткой паузы перед опасностью, когда человек успевает подумать, стоит ли делать следующий шаг.

Сайя постучала пальцами по столу.

— Хозяйка, чай.

Лиора заварила крепкий лист с обычной порцией красного перца. Никакой сильной магии, ей нужен был только вкус. Крум у очага недовольно звякнул ручкой.

— Перец вечером переводить. Великое ремесло.

— Сегодня он работает.

— Он всегда работает. Люди работают хуже.

Лиора поставила чашку перед Сайей.

— Пейте медленно.

Сайя сделала большой глоток и протянула чашку обратно.

— Можно крепче.

Юнь у кухни удивлённо моргнула. Такой чай обычно заставлял человека хотя бы несколько вдохов молчать.

Лиора спросила, что Сайя чувствует во рту. Та различала чай и немного перца, но никакого жара. Лиора наклонилась к чашке. Перец работал: запах был резким, на краю выступила красная масляная точка.

— Разрешите посмотреть свадебный шнур.

Сайя расстегнула верхний крючок кафтана. Под воротом шёл красный шнур, затянутый простым узлом. На нити сидела тёмная крупинка. Лиора поднесла ноготь, не касаясь кожи, и крупинка вспыхнула.

Перед взглядом на миг появилась строка:

Страх: подавлен внешней настройкой.

Лиора выпрямилась.

Сайя объяснила, что шнур готовил свадебный сад дома Тэн. Перед выходом весь караван получил свадебную соль для укрепления решимости: дорогу полагалось проходить вместе.

Орин стоял рядом. Его взгляд перешёл на шнур.

— Нам говорили, что настройка снимает нерешительность на переходе.

Сайя повернулась к нему.

— И сняла. Мы прошли.

— Через осыпающийся мост.

— Разбойники тоже прошли. Быстрее нас.

На этот раз Орин не улыбнулся. Лиора убрала чай.

— Больше острого сегодня не будет.

— Почему?

— У вас уже есть импульс. Рассудительности он не добавил.

— Я чувствую себя нормально.

— Именно поэтому мы не едем дальше.

Сайя напомнила, что отвечает за решение о выезде. Лиора согласилась только в части её собственной воли и указала на разбитую ступицу: эту повозку из двора она не выпустит.

Орин заговорил раньше неё:

— Людям нужен отдых. До утра остаёмся.

Сайя быстро посмотрела на него.

— Ты считаешь, я не способна вести караван?

Орин задержал ответ. Лиора увидела, как разумное возражение снова сжалось до удобной поддержки.

— Ты ведёшь его хорошо.

— Тогда ремонт до рассвета.

Он кивнул.

Кэн подошёл ближе.

— Я пропустил половину.

— Орин предложил ночёвку. Сайя спросила, сомневается ли он в ней. Он отступил.

— Спасибо.

Сайя с любопытством спросила, всегда ли они повторяют друг другу разговоры. Лиора ответила, что пока это необходимо. Кэн добавил, что удобства мало, зато не приходится угадывать.

Лиора встретила с ним взглядом. Он говорил о слухе, но фраза задела другое. Четыре дня назад слово «дом» наконец стало общим. Инструкции к нему не прилагалось.

Она вернулась к вознице с ожогом.

— Хочу провести одну проверку. Слабый кислый отвар может вернуть внимание к боли и тревоге. Я не знаю, насколько резко подействует. Согласны?

Возница согласился, но попытался связать проверку с разрешением потом идти чинить мост. Лиора сразу убрала это условие: отвар только для оценки состояния, без обещания выпустить его на дорогу. Мужчина посмотрел на руку, подтвердил согласие и получил право остановиться после первого глотка.

Лиора смешала воду с кислой сливовой настойкой и добавила каплю настоя, который использовала после долгой дороги. Юнь записала согласие и время.

Возница выпил.

Сначала ничего не произошло. Потом он резко втянул воздух и схватился здоровой рукой за запястье.

— Горит.

— Поставьте чашку.

Мужчина побледнел.

— Что с рукой?

— Ожог. Вы видели его минуту назад.

Он вскочил и задел скамью.

— Мост... Там край пошёл вниз. Мы на нём стояли. Лошади понесли к переправе.

Дыхание стало частым. Он оглянулся на дверь.

— Я туда не пойду.

— Сегодня вас никто туда не отправляет. Сядьте и смотрите на меня.

Он сел не сразу. Когда Лиора отодвинула чашку, мужчина закрыл лицо ладонью. В зале стихли разговоры.

Сайя поднялась.

— Вы вернули ему страх.

— Вместе с болью и пониманием того, что произошло.

— Верните обратно. Он был в порядке.

— Он был ранен и не понимал, насколько.

Орин присел рядом с возницей.

— Ты остаёшься. Ремонт без тебя.

Мужчина кивнул.

— Мы теряем время, — сказала Сайя.

— Теряем, — ответил Орин. — Но он не выйдет.

На этот раз он не стал смягчать решение.

Лиора забрала чашку.

— Массово кислое давать нельзя. Если у всех страх вернётся так же резко, вместо осторожности получим панику.

Сайя уже без прежней уверенности потребовала другой способ. Лиора согласилась проверить причину и найти безопасный вариант, но отказалась обещать результат к рассвету. Срок свадьбы не отменял предела, который ставило человеческое тело.

Кэн тихо сказал:

— Это я слышал полностью.

Лиора не удержалась:

— Полезное достижение.

Напряжение немного отпустило. Сайя вынула из-за пазухи сложенную карту и развернула на столе. От Камышовых Ворот к северо-востоку шла соляная дорога. У Перечного колодца стояли два семейных знака, соединённые красной нитью.

— Если свадьба не подтверждена через пять дней, дома теряют общий проход на сезон, — сказала Сайя. — Груз останется здесь, люди вернутся без оплаты.

Орин добавил:

— Обход занимает двенадцать дней. Часть груза испортится.

— Почему личная церемония подтверждает торговый проход? — спросила Лиора.

— Старый договор, — ответил Орин. — Два дома используют один маршрут и после брака получают общего оператора.

— То есть вами двоими дорога распоряжается как одной подписью?

Сайя нахмурилась.

— Мы сами согласились на брак.

— Я спрашиваю про дорогу.

Орин провёл пальцем рядом с семейными знаками.

— Формально да. Навигация и снабжение соединяются после церемонии.

Лиора почувствовала знакомое раздражение: бытовое удобство опять пыталось выдать себя за право решать за человека.

— Мне нужна Нара.

Юнь уже поднялась.

— Позвать сейчас?

— Сейчас. Пусть проверит свадебные полномочия и что можно отозвать отдельно. А ты веди журнал травм: имя, повреждение, состояние до проверки и после. Ворота закрой, посторонних не пускай.

Сайя прищурилась.

— Вы запираете мой караван?

— Я закрываю двор от любопытных. Пешком можете уйти, если решите. Повреждённые повозки останутся до ремонта.

Орин едва заметно выдохнул.

— Это разумно.

— Мы сегодня много разумного пропустили, — сказала Лиора.

Кэн подвинул карту к себе.

— Здесь что-то меняется.

У края карты несколько крупинки соли покраснели. Лиора остановила его руку.

— Не трогай.

— Не собирался. У меня редкий вечер послушания.

— Сохрани до утра.

— Никаких вечных обещаний.

Сайя неожиданно спросила, женаты ли они. Кэн не ответил за Лиору, и это понравилось ей больше, чем она ожидала. Она сказала, что брака и помолвки нет, но Кэн живёт здесь.

Сайя кивнула, будто получила нужную справку, и вернулась к карте. Лиора тоже посмотрела вниз, хотя вопрос остался рядом. Кэн назвал харчевню домом. Его дорожная сумка была разобрана, у него был ключ и место за столом. Общий дом уже существовал, однако своих обещаний они ещё не называли.

Красные крупинки на карте собрались в линию. Она пошла по соляной дороге, затем свернула на старую ветвь, перечёркнутую знаком запрета.

— Это ваш маршрут? — спросила Лиора.

— Нет, — ответила Сайя. — Эта ветвь закрыта много лет.

Орин придвинул лампу.

— На семейных картах её не используют.

Линия дошла до края карты и остановилась.

Лиора сняла свадебный шнур с Сайи только после отдельного согласия, положила его на блюдо и отнесла в комнату последнего слова. Если метка держалась на невесте, расстояние должно было ослабить её.

Вернувшись в зал, она увидела, что красный след на карте не исчез.

Через несколько вдохов линия снова двинулась. Она прошла через знак Камышовых Ворот и вошла в маленький знак очага, который появился после признания «Тёплой сливы» безопасным местом.

Кэн встал рядом с Лиорой.

— Это я услышал без повторения.

Сайя впервые за весь вечер не потребовала немедленного решения.

— Что это значит?

Лиора закрыла ладонью край стола, чтобы никто не коснулся соли.

— Что ваш свадебный маршрут добрался до моей харчевни раньше вас. Вы остаётесь на ночь. Мы проверим метку, договор и способ вернуть людям страх без паники.

За воротами стукнул засов. Юнь вернулась к журналу, Орин распорядился размещать людей, а Сайя наконец села и больше не просила острого чая. Красная линия продолжала светиться в знаке малого очага. Лиора всё-таки закрыла харчевню, но обычного вечера не получилось: дорожная беда вошла в дом вместе со свадебным караваном и теперь считала этот дом частью своего маршрута.

Глава 2. Свадебная надбавка

Кэн поставил на край стола пустую чашку и придвинул к себе третью дощечку с записями. Свадебный караван занимал половину зала, двор и две комнаты наверху, хотя вечером никто не собирался принимать новых постояльцев. Лиора ушла проверять раненых, а ему досталась работа, которая обычно начиналась после неприятностей: выяснить, сколько именно стоила чужая удача.

Ослабленный слух всё чаще подводил Кэна. Речь человека напротив расплывалась, если тот отворачивался или говорил быстро. Поэтому Кэн усадил возниц по одному, предупредил, что важные ответы нужно повторять, и положил рядом кусок мела.

— Начнём с моста, — сказал Кэн и попросил возниц отвечать по одному.

Победители сперва хвалились погоней, но вопросы быстро вернули их к ущербу. Опора моста ушла в воду, настил развалился, а две лодки сорвало с привязи. Караван бросил за переправой три телеги с подарками и обычной солью.

— Охрана у телег осталась?

Возница отвёл глаза. Охраны не было: все побежали за разбойниками.

Юнь перестала раскладывать полотенца.

— Три телеги бросили и назвали это победой?

Кэн добавил в расчёт чужой амбар, куда врезалась испуганная лошадь. К концу опроса победа превратилась в перечень работ, лечения и утраченного груза.

Сайя подошла, когда Кэн подсчитывал ущерб. Свадебный шнур она не надела.

— За лечение согласна. Остальное дома оплатят после свадьбы.

— Половина до выезда, — сказал Кэн. — Включая мост, лодку, амбар и свадебную надбавку.

— Такого тарифа нет.

— Теперь есть. Его получают люди, которые считают разрушения дешевле по дороге к свадьбе.

После короткого торга Сайя назначила аванс больше трети суммы. Когда Кэн подтвердил расчёт, система вывела обычный тариф и отдельно сообщила, что надбавка не предусмотрена.

Юнь тихо засмеялась. Кэн закрыл дощечку: спор о названии мог подождать, оплата ущерба — нет.

Лиора вернулась из коридора и проверила расчёт. Кэн включил мост, амбар и одну лодку; вторую решили оценить после осмотра переправы.

— Утром сходи туда сам. Мне нужны повреждения, а не рассказы каравана.

Кэн напомнил, что она собиралась отправить его спать. Лиора спросила о слухе. В зале он разбирал речь, когда видел лицо собеседника, но у воды будет шум.

— Если станет хуже, скажу.

Лиора не стала запрещать выход и назначила осмотр после рассвета. Это короткое согласие оказалось для Кэна приятнее опеки.

К утру двор уже напоминал ремонтную мастерскую. Под сломанную повозку поставили козлы, колесо сняли, а Орин проверял бочки с водой. Он работал без Сайи и ни разу не посмотрел в сторону комнаты, где она спала.

Кэн нашёл его возле задней телеги.

— На переправу?

— Да.

— Я с вами.

— Сайя знает?

Орин застегнул сумку с бумагами.

— Ей сейчас важнее колёса.

Ответ Кэну понравился. Вчера Орин спрашивал мнение Сайи даже там, где сам отвечал за снабжение. Утром, среди поломанных повозок, он наконец занимался своей работой.

До переправы дошли меньше чем за час. Кэн быстро понял, что слово «победа» родилось далеко отсюда.

У моста стояла поперечная жердь. За ней настил провалился к воде. На берегу двое лодочников вытаскивали из грязи длинный канат.

Старший лодочник сразу потребовал записать ущерб дома Кай. Его лодку нашли в камышах с целым дном, но после разрушения моста местным приходилось держать временную переправу.

Орин включил в расчёт лодку, канат и работу. Кэн тем временем осмотрел следы у провала. Копыта шли прямо к воде, защитного строя не было.

— Сколько разбойников вы видели?

— Семерых. За ними полезло человек пятнадцать.

Лодочник объяснил причину бегства: разбойники увидели людей, которые не берегли себя и не оставляли места для отхода.

Кэн посмотрел на мост.

Вот и вся победа.

Разбойники ушли не из-за мастерства или удачного манёвра, но караван продолжал рисковать: люди перестали замечать опасность.

Он вернулся к Орину.

Кэн спросил Орина, видел ли тот, как люди шли через мост. Орин находился у грузовых повозок, прибежал к концу драки и поддержал решение Сайи продолжать путь. Снабжение он считал общей обязанностью с навигацией, но собственную границу назвать не смог.

У возвращённой повозки Кэн нашёл между стежками упряжи красный порошок с запахом перца.

— Это общая упряжь, — сказал Орин. — Основной знак был на шнуре невесты.

Лодочник видел, как перед дракой помощница свадебного распорядителя сыпала солью всех лошадей. Значит, настройка действовала не только через Сайю.

— Я не знал, что это важно, — признал Орин.

Теперь у них было доказательство: перечная соль связывала с ритуалом весь караван.

Они вернулись к мосту. Орин сам договорился с лодочниками о временной переправе: дом Кай давал рабочих и оплачивал канат, местные ставили две лодки рядом и клали настил. Решение заняло меньше времени, чем вчерашнее обсуждение ночёвки.

Кэн дождался, пока Орин закончит.

— Вы умеете спорить.

— Я торговался.

— Начало хорошее.

Орин сложил бумаги.

— Сайя отвечает за маршрут.

— А вы за то, чтобы маршрут не съел весь караван.

— У нас разные обязанности.

— Полезно иногда это помнить до разрушенного моста.

На обратной дороге Кэн несколько раз просил повторить фразу. У переправы слух устал быстрее, чем он рассчитывал. Он отметил это про себя и решил сказать Лиоре сразу после возвращения. Само решение раздражало меньше, чем раньше. Возможно, потому что теперь оно было его собственным.

Во дворе Сайя уже командовала ремонтом.

— Где вы были? — спросила она Орина.

— На переправе.

— Без меня?

— Проверял ущерб дома Кай.

Она открыла рот, но Орин протянул ей лист.

— Временный мост будет к вечеру. Мы даём людей и платим за канат.

Сайя прочла.

— Хорошо.

Кэн заметил, как Орин выдохнул. Простое решение не потребовало разрешения невесты, и ничего не рухнуло.

Лиора ждала в зале.

Кэн положил перед ней кусок ремня, который с разрешения Орина срезал с повреждённой упряжи.

— Перец.

Она понюхала.

— Тот же?

— Похож. Им обрабатывали лошадей перед мостом.

— Всех?

— Похоже на то. Значит, связь идёт дальше свадебного шнура.

— Я проверю соль.

Кэн сел.

— И ещё одно. На переправе я начал хуже разбирать речь.

Лиора замерла на секунду, затем придвинула ему чай.

— Сейчас?

— Здесь нормально. Шум воды мешал.

— До следующего выхода проверим.

Она не сказала, что ему нельзя идти. Кэн отпил чай.

— Спасибо.

— За что?

— За отсутствие приказа лежать.

— Не привыкай.

Он улыбнулся. В этот момент стол под ладонью слегка нагрелся. Кэн убрал руку.

— Это ты?

— Если бы я научилась нагревать столы взглядом, у нас было бы меньше дров.

Красная линия, оставшаяся со вчерашнего вечера на карте Сайи, вспыхнула ярче.

Перед Кэном появилось системное сообщение:

Маршрут подтверждён частично.

Следом возникла новая строка.

Доставить совместимую пару и объединённое имущество домов Тэн и Кай к Перечному колодцу.

Кэн перечитал.

— Так. Начинается.

Лиора подошла ближе.

— Что?

Он повернул карту так, чтобы сообщение было видно ей.

Сайя и Орин подошли к столу. Система требовала доставить к Перечному колодцу совместимую пару и объединённое имущество двух домов.

— Исключить людей. Оставить груз, — предложил Кэн.

Система отказала: маршруту требовался общий оператор. Разделить навигацию и снабжение она тоже не позволила.

— Подтвердить общий маршрут без личного брака.

Ответ появился после паузы: доступным способом оставалась свадебная связь совместимой пары.

— Доступным, — повторил Кэн. — Значит, не обязательно единственным.

Следующая проверка подтвердила его догадку. Система не могла исключить церемонию только при текущем способе назначения оператора. Им предстояло найти другой способ.

Он посмотрел на Лиору.

— Видишь?

— Да. Она не приказывает им жениться. Она не знает другого способа открыть дорогу.

— Или не показывает.

— Интерфейс не должен скрывать доступный способ намеренно.

Кэн кивнул. Это правило они уже знали достаточно хорошо.

Орин положил на стол свою папку.

— В старом договоре двух домов свадьба действительно была знаком общего управления.

Возможно, дорога взяла эту форму оттуда.

— Значит, ищем другую форму, — сказал Кэн.

— За пять дней?

— Лучше за четыре. Пятый оставим на ошибку.

— Вы всегда планируете ошибку?

— После знакомства с Лунным Контуром — обязательно.

Лиора постучала пальцем по карте.

— Сначала выясним, можно ли выпускать караван. У них до сих пор подавлен страх.

Сайя недовольно вздохнула.

— Мы потеряли ночь.

— Вы получили ночь, — ответила Лиора. — Вчера один ваш человек после слабого кислого отвара понял, что едва не погиб. Остальные пока этого не понимают.

Орин поддержал её:

— До проверки не выезжаем.

Сайя посмотрела на него.

Кэн ждал знакомого вопроса: считает ли Орин её неспособной вести людей.

Но Сайя только спросила:

— Сколько времени?

— До полудня, — ответил Орин. — Потом решим по фактам.

Она нехотя согласилась. Кэн отметил это как ещё одну маленькую победу — на этот раз без разрушенного моста. Через час в харчевне стало жарко. Первой это заметила Юнь. Она прибежала из кладовой с небольшой банкой в руках.

— Лиора, перец тёплый.

— У очага стоял?

— На дальней полке.

Лиора забрала банку и открыла. Кэн почувствовал запах даже со своего места.

Юнь положила рядом вторую.

— И эта.

Кэн потрогал крышку. Банка действительно нагрелась.

— Свадебный подарок?

— Наша кладовая, — сказала Лиора.

Из зала донёсся грохот. Молодой гость, приехавший утром с речной лодки, поставил табурет на стол и собирался забраться к верхнему окну.

Лиора подошла.

— Зачем?

— Хотел поправить ставню.

— Она исправна.

— Показалось, скрипит.

— Слезайте.

— Я быстро.

Табурет качнулся.

Кэн успел подхватить его за ножку.

— Очень убедительно.

Мужчина спрыгнул.

Лиора посмотрела на него.

— Обычно вы чините чужие окна?

— Нет.

— Высоты боитесь?

Он задумался.

— Немного.

— Сейчас?

Мужчина взглянул наверх.

— Да вроде нет.

Лиора повернулась к Кэну. Ответ был понятен без обсуждения. Метка вышла за пределы свадебного каравана. Кэн вернулся к карте и увидел, что красная линия глубже вошла в знак малого очага.

— Всё. Снимаем харчевню с маршрута.

— Каким образом? — спросила Лиора.

— Переговорами. У меня для этого есть лицо, терпение и совершенно неоправданная вера в скидки.

— Система тебе уже отказала в надбавке.

— Значит, переговоры стали личными.

Он положил ладонь возле карты.

— Отказ малого очага от участия в свадебном маршруте.

Отказ зарегистрирован.

Разрыв связи невозможен до завершения активного сопровождения.

Кэн нахмурился.

— Мы сопровождение не принимали.

Участие подтверждено фактическим предоставлением безопасного очага объединённому каравану.

Лиора прочла сообщение.

— Мы дали людям ночлег.

— И получили работу.

— Ты вчера сказал, что не любишь неоплаченные обязательства.

— Я не люблю обязательства, которые появляются после того, как услуга оказана.

Он снова обратился к системе:

— Установить срок участия.

Появилась короткая пауза. Укажите условие завершения. Кэн посмотрел на нагретую банку с перцем.

— До прекращения воздействия свадебной настройки на малый очаг и людей, не относящихся к каравану.

Сообщение изменилось:

Условие принято.

Сопровождение ограничено задачей устранения связи.

Лиора внимательно посмотрела на него.

— Ты собираешься ехать?

— Пока связь держится, здесь безопаснее не станет.

— Слух.

— Проверю перед выездом. Если начну пропускать важные слова, скажу.

— Срок?

Кэн понял вопрос не сразу.

— Что срок?

— Когда возвращаешься?

Раньше он бы ответил: когда закончим.

Фраза уже почти появилась, но он остановился.

— Если выедем завтра утром, четыре дня до колодца и обратно ещё два. На седьмой день должен быть здесь. Если дорога изменится, сообщу раньше.

Лиора не отвела взгляд.

— Хорошо.

Кэн улыбнулся.

— Видишь? Я умею возвращаться по расписанию.

— Это расписание одной поездки.

Он ждал продолжения, но Лиора взяла банку и пошла в кладовую.

Кэн остался у стола.

Ему казалось, что названного дня достаточно. Он не исчезал, не скрывал риск и заранее говорил, когда вернётся. В его представлении это и было нормальным обязательством.

По тому, как Лиора закрыла дверь кладовой чуть аккуратнее обычного, он понял: для неё вопрос был шире.

Юнь спасла его от необходимости разбираться с этим немедленно. Она прибежала из комнаты последнего слова с раскрытым журналом.

— Нашла.

— Что?

— Запись про свадебную метку.

Лиора вернулась. Юнь положила журнал на стол и указала строку. Там стояло имя настройщика: Маэ Лин, Сад свадебной совместимости.

Ни шифра, ни тайного знака. Обычная служебная подпись человека, который не собирался скрывать участие.

Ниже была цель настройки:

Стабилизация общего оператора до завершения брачного маршрута.

Кэн прочитал дважды.

— Она считает это полезной работой.

— Возможно, так и есть, — сказала Лиора. — Для дороги.

— И для семей, — добавил Орин. — Если наш общий доступ сорвётся, пострадают люди, которые к свадьбе отношения не имеют.

Сайя подошла ближе.

— Тогда тем более надо ехать.

Лиора закрыла журнал.

— Поедем, когда поймём, как не довести к колодцу караван людей, которые не замечают собственной опасности.

Кэн посмотрел на подпись Маэ Лин. Хороший противник обычно начинал с понятной причины. Два дома хотели сохранить дорогу. Маэ убрала сомнения, и караван стал решитель-

нее. Беда началась там, где полезная настройка перестала спрашивать человека, нужна ли она ему дальше.

Кэн коснулся знака ограниченного сопровождения.

— Записываем оплату отдельно. Срок отдельно. Наше участие заканчивается, когда метка отпустит харчевню.

Сайя поморщилась.

— И свадебная надбавка?

— Особенно она.

На этот раз Лиора улыбнулась. Кэн собирался закрыть интерфейс, когда над картой появилась ещё одна строка. Он прочитал её и решил, что система всё-таки умеет портить хороший расчёт.

Дополнительное условие сопровождения:

проверка совместимости сопровождающей пары обязательна.

— Какой ещё пары? — спросила Сайя.

Ответ появился сразу.

Лиора Сэн.

Кэн Раю.

Кэн поднял глаза на Лиору. Она молча перечитала запись, затем посмотрела на него. Красная линия на карте оставалась внутри знака «Тёплой сливы», а рядом с ней теперь появились их имена. Свадебный караван получил сопровождение на ограниченный срок. Харчевня могла выйти после устранения связи, но дорога потребовала проверить людей, которые вообще не собирались участвовать в чужой свадьбе. Кэн понял, что утром придётся торговаться уже не за надбавку.

Глава 3. Перечная метка

К утру Лиора освободила на плите три маленьких ковша. После вчерашней проверки раненого возницы она не собиралась возвращать страх одним сильным отваром. Мужчина почти не спал и теперь соглашался только на воду. Значит, искать нужно было осторожнее.

Юнь поставила на стол три одинаковые чашки.

— Подпишем?

— Не надо. Разные ложки.

В первом ковше была слабая кислая слива, во втором — тёплая вода с щепотью соли, в третьем — обычный чай с малой долей красного перца. Лиора напонила Юнь порядок: только добровольцы, одна проба за раз. Отказаться можно в любой момент.

Первым пришёл молодой погонщик с ушибленным коленом. Он попытался связать участие с разрешением потом выйти на ремонт, и Лиора сразу отказалась от такого условия. Лечение не должно было превращаться в плату за право работать. После этого парень выбрал солёную воду.

Он сделал глоток, помолчал и растёр ладонью бедро.

— Ноги тяжёлые. Колено тянет.

— На дорогу сейчас пошёл бы?

Погонщик посмотрел в окно на людей возле повозок и ответил, что пошёл бы, если понадобится. Страх перед дорогой не появилось. Зато он впервые за утро признал усталость и попросил присесть.

Юнь записала результат. Лиора отставила солёную чашку. Соль возвращала телу собственный вес и состояние, но не включала оценку опасности.

Женщина-возница с перевязанным плечом выбрала кислую пробу. Вчера похожий отвар обрушил на человека накопленную тревогу, поэтому Лиора дала лишь несколько глотков.

Женщина поморщилась, затем сжала край стола.

— Мы ехали по самому краю до моста. Телега пошла боком, а я даже не остановила. Смеялась.

Она посмотрела в открытое окно и невольно отступила.

— Высоты боитесь? — спросила Лиора.

— Обычно да. Сейчас вспомнила.

Этого было достаточно. Лиора забрала чашку раньше, чем тревога успела разрастись.

Третьим добровольцем стал охранник с порезом на щеке. После перечного чая он расправил плечи и сразу предложил идти к мосту: до обеда, по его расчёту, можно было расчистить часть настила. Лиора велела ему остаться на месте. Мужчина чувствовал себя лучше, но именно это и было плохим знаком.

Когда он потянулся за второй порцией, Лиора убрала чашку.

— Больше не будет.

Охранник удивился: жара почти не чувствовал, зато готов был работать. Лиора попросила вспомнить последнее опасное решение, от которого он отказался сам. После долгой паузы мужчина признал, что со вчерашнего утра такого случая не помнит.

Юнь вынесла это в отдельную строку.

Лиора вылила остаток перечного чая.

— Острое сегодня больше не проверяем.

Крум у очага звякнул крышкой и сообщил, что перец наконец перестанут обвинять в человеческой глупости. Лиора согласилась. Она попробовала каплю общего настоя, чтобы проверить крепость, и не получила привычного жжения. Добавила немного перца, взяла чистую ложку и попробовала снова.

Результат почти не изменился.

Юнь сразу заметила её лицо.

— Что?

— Я хуже чувствую острое. Запиши и больше не давай мне проб.

Девочка закрыла ковш крышкой. Лиора не стала строить версию раньше времени. Перец резко пах, хотя язык почти не чувствовал остроты.

Кэн вошёл на кухню с картой под мышкой. Он остановился у двери так, чтобы видеть лицо Лиоры; слух после Илмара всё ещё заставлял его выбирать место для разговора.

— Система не забыла про нашу совместимость. Нара нашла форму проверки. До выезда, без церемонии.

Лиора вытерла руки.

— Когда?

— После обеда.

— Придёшь?

— Конечно.

Она задержала на нём взгляд.

— И без шуток во время проверки.

Улыбка появилась у него по привычке, но быстро исчезла.

— Это уже серьёзное условие.

— Мне нужно понять, что именно дорога считает совместимостью. Если каждый неудобный вопрос превратится в торг, я не отличу ответ от защиты.

Кэн помолчал и согласился отвечать прямо. Сам тест он всё равно считал чужой проблемой. Лиора получила то обещание, которое просила.

Для неё вопрос был шире. Вчера Кэн назвал срок возвращения и явно счёл, что этого достаточно. Лиоре хотелось понять, что для них значит будущее между возвращениями.

Свадебный склад устроили в пустом сарае за харчевней. У дальней стены стояли мешки соли для упряжи, рядом лежали подарки двух домов. После вчерашней находки на ремнях Лиора велела ничего не выдавать без проверки.

Крум пришёл со ступкой и потребовал открыть первый мешок. В крупной соли попадались красные точки. Лиора растёрла щепоть на блюде, и запах перца появился сразу.

Крум забрал несколько крупинок и начал давить их пестиком короткими движениями. После каждого нажима поворачивал руку одинаково.

— Так делали в старых садах. Перец не мололи в пыль. Оставляли зерно, чтобы соль несла его дальше.

— Куда?

Он раздражённо посмотрел на ступку.

— Если бы помнил, не повторял бы.

Крум добавил соль, потом каплю воды. По внутренней стенке ступки лёг красный след. Он остановился и несколько раз повторил движение.

— Было закрепление на том, что идёт вместе. Дальше не приходит.

Лиора не стала вытягивать из него ответ. Крум вспоминал ремесло только через работу; если память остановилась, красивой догадкой её не заменишь.

Кэн тем временем открыл короб с подарками и деревянной палочкой поддел красную печать. На краю тоже остался перечный порошок. Лиора перешла к большой фляге для дорожного благословения, смочила водой белую ткань и подождала. Через несколько мгновений на ткани проступили красные точки.

Орин, пришедший со списком имущества, объяснил, что этой водой кропили людей и груз перед выездом. Потом участники каравана пили из общего ковша. Им обещали укрепление пути и снижение нерешительности. Про подавление страха, по его словам, речи не было.

Кэн попросил повторить последнюю фразу и записал её на дощечке.

Сайя вошла в сарай и остановилась у вскрытых мешков. Её больше беспокоила задержка, чем сама проверка. Она напомнила, что все вещи относятся к свадебному маршруту и благословение было добровольным.

— Людям объяснили, что у них подавят страх? — спросила Лиора.

Сайя ответила не сразу.

— Говорили о смелости и устойчивости.

— Это не одно и то же.

— Никого не заставляли.

— Я и не говорю о принуждении. Они согласились на защиту пути. О другом воздействии им не сказали.

Сайя нахмурилась, но спорить о формулировке не стала. Она предложила дожидаться Маэ Лин: настройщица сама проводила подготовку и сможет объяснить её условия.

Для Сайи Маэ оставалась специалистом, который помог двум домам выйти в срок.

Лиора закрыла флягу.

— До её объяснения эту воду не используем.

Сайя хотела возразить, но со двора прибежала Юнь и сообщила, что Маэ Лин уже пришла из управы.

Настройщица оказалась невысокой женщиной лет сорока с аккуратно собранными волосами и дорожной сумкой через плечо. Она пришла без охраны, сняла обувь у входа и первым делом попросила журнал травм.

В зале Маэ быстро дошла до записи о вчерашнем вознице. Спросила, сколько кислого он выпил и какой была крепость. Выслушав ответ, сама сказала, что массово повторять такую пробу нельзя.

— Мы уже решили, — ответила Лиора.

— Хорошо.

Маэ достала свой плоский журнал. Она приехала после оформления ущерба у переправы и не скрывала, что домам придётся платить. Но сам ущерб, по её мнению, ещё не доказывал ошибку настройки.

Лиора подвинула к ней записи Юнь. Восемь травм люди вовремя не обработали. Один человек хотел вернуться на мост с ожогом. Женщина с вывихом собиралась вести повозку.

Маэ прочла и закрыла страницу пальцем.

— Караван при этом не распался.

— Это не лечение.

— Я и не лечила. Моя задача — провести уже согласованный маршрут.

Она открыла свой журнал на старой записи. Несколько лет назад другой брачный караван остановился после семейного спора. Драка произошла уже между своими, а работники лишились части оплаты, потому что дорога закрылась до доставки груза. Маэ показала сумму внизу листа.

— Такие решения касаются не только жениха и невесты, — сказала она. — Если люди меняют условия на полпути, цену платят и те, кто ничего не решал.

Лиора не стала отбрасывать эту неприятную правду.

— Поэтому вы снизили страх?

— Я снизила реакцию, которая мешает выполнить уже принятое решение.

— А если решение изменилось?

— Его пересматривают после выхода из опасной зоны.

Кэн, сидевший ближе к Маэ, поднял голову.

— Если человек внутри этой зоны говорит: «Я передумал», система считает это тревогой?

Маэ сначала ответила, что протокол проверяет устойчивость решения. Кэн попросил ответить на сам вопрос.

— Часто считает, — сказала она наконец.

Лиора положила на стол использованную повязку.

— Тогда вот цена устойчивости. Этот человек не заметил ожог. Ваше усиление не добавило ему умения. Оно убрало момент, когда он мог оценить риск.

Маэ взяла повязку за чистый край и долго рассматривала пятно.

— Эффект сильнее расчётного.

— Отключите.

— Сейчас нельзя.

Сайя шагнула к ней.

— Почему нельзя отключить?

— После двух суток подавления резкий возврат даст накопленную тревогу. Один человек уже показал такую реакцию после кислого. Если снять настройку со всех сразу, часть каравана может отказаться даже от безопасных действий.

Лиора вспомнила вчерашнего возницу, который после отвара боялся смотреть на дверь.

— Сколько нужно времени?

— Сегодня снижаю уровень. Завтра проверяем состояние.

— Мы теряем ещё сутки, — сказала Сайя.

— Лучше сутки здесь, чем паника на дороге.

Сайя промолчала.

Лиора села напротив Маэ и изложила условия. Каждая лечебная проба проводится только после отдельного согласия. Общее благословение не считается разрешением на лечение. Для работы Лиоре нужен доступ к той части формулы, которая меняет страх и закрепляет действие через соль.

Маэ не сразу согласилась открыть журнал. Формула принадлежала рабочей настройке Сада. Лиора указала на кладовую: эта настройка уже действует внутри чужого очага и затрагивает людей, не связанных со свадьбой.

— Доступ дам на время устранения вреда, — сказала Маэ. — Формулу прошу не распространять.

— Не собираюсь.

— И задержка не должна сорвать свадьбу.

— Караван выйдет, когда будет безопасно.

Маэ приняла один день проверки.

Лиора добавила ещё одно условие: отдельный человек должен иметь возможность отозвать согласие на настройку.

Маэ помолчала.

— Если отзыв не разрушает общий маршрут.

— Сначала человек. Ущерб дороге и домам решается отдельным договором.

— Вы недооцениваете цену разрыва.

— Нет. Вы сами показали мне невыплаченное жалованье. Я принимаю эту цену всерьёз. Она не даёт права держать чужой страх выключенным.

После паузы Маэ согласилась разрешить отдельный отзыв на время лечения. Уступка была ограниченной, но Лиора её приняла.

Во дворе настройщица положила щепоть свадебной соли на медную пластину. Сайя первой дала согласие на снижение. Орин и несколько возниц отвечали отдельно. Остальным Лиора велела сначала объяснить, что именно изменится.

Красный след на соли побледнел.

Сайя несколько раз сжала пальцы.

— Что чувствуете? — спросила Лиора.

— Усталость. И злость на мост.

Страх пока не было.

Орин сел на край скамьи и признался, что считал своё состояние обычным недосыпом. Лиора напомнила: солёная проба уже показала, что тело способно вернуть усталость раньше тревоги.

Маэ передала ей журнал формулы, открытый на нужном разделе. Лиора прочла запись о закреплении через общий предмет маршрута и дошла до строки:

Компенсация сомнения до устойчивого согласия.

Она перечитала её.

— Что значит «устойчивого»?

Маэ объяснила: решение должно перестать колебаться от краткой тревоги. Сад сравнивает новое поведение с исходным выбором.

Сайя подошла ближе.

— Если завтра я скажу, что не еду?

— После снижения прямой отказ должен быть принят.

— Должен?

— Я проверю.

Лиора запомнила это слово.

Юнь принесла ещё одну запись. Гость, который утром полез чинить ставню и не чувствовал обычной осторожности, после снижения настройки отказался даже вставать на табурет. Значит, малый очаг тоже начал отпускать чужое воздействие.

Лиора попробовала крупинку чистого перца. Жжения почти не было.

Маэ заметила её реакцию.

— Что с вами?

— Временно хуже чувствую острое.

— Тогда сегодня больше не пробуйте.

Лиора кивнула. До восстановления ей придётся проверять остроту чужими описаниями и точнее задавать вопросы. Небольшая потеря уже меняла её способ работы.

К полудню караван стал тише. Люди перестали смеяться над собственными повязками. Паники не возникло, но несколько возниц отказались от ремонта и ушли спать. Сайя долго смотрела на разобранное колесо, потом потребовала карту.

Орин принёс её и сразу спросил, зачем.

— Считаю время. Если выйдем завтра и пойдём основной дорогой, срок почти потерян.

— Оформим задержку из-за аварии.

— Дома будут спорить.

— Пусть спорят со мной.

Сайя посмотрела на него внимательнее. Потом провела пальцем по красной линии, которую карта проложила ещё в первый вечер.

— Есть короткая ветвь.

Лиора подошла к столу.

— Она запрещена.

— Но метка сама вывела маршрут туда.

Маэ закрыла журнал.

— Эту ветвь давно не используют. Причина запрета мне недоступна.

Орин положил ладонь на край карты.

— Я против.

Сайя сразу спросила, считает ли он её неспособной вести караван.

— Я считаю, что мы не знаем, что там. Этого достаточно.

Орин не отступил. Лиора заметила, что после снижения настройки его несогласие впервые осталось несогласием, а не превратилось в поддержку.

Маэ опустила взгляд в журнал. На нижнем поле появилась новая служебная строка:

При снижении уверенности ниже допустимого порога компенсация усиливается автоматически.

— Маэ, — сказала Лиора.

Настройщица побледнела.

— Вижу.

Красная метка на карте стала ярче.

Сайя убрала руку Орина с линии и выпрямилась.

— Тогда решено. Завтра поведу караван запретной ветвью. Она короче, а дорога уже её признала.

Лиора смотрела на усилившийся красный след. Настройку удалось ослабить, но возвращение сомнения само запускало новый подъём уверенности. Караван задерживался ещё на сутки, Сайя только что выбрала закрытую дорогу, а безопасного массового снятия метки у них по-прежнему не было. Лиоре нужно было вернуть людям страх до того, как протокол подтолкнёт караван к запретной ветви.

Глава 4. Невеста выбирает запретную дорогу

Сайя стояла над разложенной картой и ждала, пока старший проводник дома Тэн закончит осматривать красную линию. Во дворе за его спиной меняли колесо второй повозки. Работали медленнее, чем накануне: после снижения перечной настройки люди начали чувствовать усталость и чаще останавливались. Сайю это раздражало, хотя разумом она понимала, что Лиора именно этого и добивалась.

До Перечного колодца оставалось пять дней. Обычная дорога потеряла мост. Если ждать полного ремонта, срок станет почти невозможным. На карте запретная ветвь сокращала путь почти на два дня.

Старший проводник наконец выпрямился.

Представитель дома Тэн потребовал у Сайи карту, чтобы после вчерашнего случая снизить риск. Она ответила, что дом начнёт с ремонта разрушенного моста.

Он напомнил о её полномочии навигатора.

— Именно поэтому карту я не отдам.

Проводник положил ладонь на стол.

— Ты повела людей через повреждённый мост.

— Разбойники перекрыли дорогу.

— Ты могла остановиться.

Сайя посмотрела на него и не нашла внутри привычной реакции. Ещё месяц назад от таких слов у неё холодели ладони. Она начинала заново прокручивать решение, искать ошибку, вспоминать каждый поворот.

Сейчас мост остался позади, люди были живы, разбойники ушли. Для Сайи этого хватало: решение сработало. Она указала на карту.

— Обычный путь закрыт. Если ждать ремонта, мы потеряем день. Потом ещё один уйдёт на объезд. Запретная ветвь выводит к Белой Створке раньше.

— Она закрыта.

— Часть дороги закрыта.

— На карте стоит запрещающий знак.

— А красная линия ведёт туда.

Представитель дома Тэн недовольно посмотрел на метку.

— После случившегося я не считаю эту линию доказательством разумности.

— А я считаю её доказательством доступного пути.

— Ты сейчас вообще сомневаешься?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Сайя хотела ответить сразу, но заметила, что Орин смотрит на неё через двор. Он стоял возле бочек с водой и слушал разговор.

Она снова посмотрела на карту.

— У меня нет причины сомневаться в расчёте.

Старший проводник тихо выдохнул.

— Вот это меня и беспокоит.

Сайя почувствовала раздражение.

— Вчера меня обвиняли в том, что я рискую. Сегодня вас пугает моя уверенность. Выберите что-нибудь одно.

— Я хочу, чтобы ты передала карту до выхода из Камышовых Ворот.

— Нет.

— После свадьбы тебе всё равно не придётся вести каждый караван самой.

Сайя медленно подняла голову. Вот оно. Весь спор оказался не о мосте.

— Почему?

Мужчина замялся.

— У тебя появятся другие обязанности.

— Какие именно мешают читать дорогу?

— Дом станет больше зависеть от общего решения.

— Общего с домом Кай?

— И с мужем.

Сайя положила ладонь на карту.

— Тогда карту я точно не отдам.

Представитель семьи нахмурился.

— Не смешивай рабочий вопрос с личным.

— Вы смешали их раньше меня.

Старший проводник попытался вмешаться:

— Никто не лишает тебя права навигации.

— Вы пришли забрать карту у навигатора.

Ответа не последовало.

Сайя сложила верхнюю часть карты, оставив открытым участок от Камышовых Ворот до Белой Створки.

— Я веду караван до первой проверки. Там снова оцениваем состояние людей и дорогу.

Если ветвь непроходима, возвращаемся.

— Возвращаться будет поздно.

— Тогда тем более нужно выйти вовремя.

Представитель дома Тэн посмотрел на Орина.

— Дом Кай поддерживает этот маршрут?

Сайя почувствовала, как внутри снова поднимается знакомая злость. Сейчас решать будут через жениха. Её слово оказалось недостаточным.

Орин подошёл к столу.

— Я ещё не поддерживал маршрут.

Сайя посмотрела на него с удивлением.

Представитель семьи спросил:

— Что тебе мешает?

Орин положил рядом свой лист расчётов.

— Вода. На запретной ветви у нас нет подтверждённой стоянки. Две повозки после ремонта не проверены на длинном спуске. И мы не знаем причины запрета у Белой Створки.

Сайя ждала, что он закончит требованием остаться.

Орин продолжил:

— Но обычная дорога сейчас хуже. Мост закрыт, а объезд съест срок. До Белой Створки можно идти, если мы проверим повозки до вечера и возьмём дополнительную воду.

Представитель дома Тэн удовлетворённо кивнул.

— Значит, поддерживаешь.

Орин помедлил.

— Поддерживаю решение пройти до первой проверки.

Сайя посмотрела на него. На людях он снова сделал то, что делал всегда: нашёл способ согласиться.

Прямой запрет Сайя бы оспорила. Подмена её слов разозлила её.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда готовим караван.

Представители семей ушли обсуждать воду и время выхода. Старший проводник задержался, ещё раз посмотрел на карту, но спор продолжать не стал.

Сайя дождалась, когда рядом останется только Орин.

— Ты мог сказать, что маршрут плохой.

Он собирал свои бумаги.

— Я не сказал, что он хороший.

— Ты поддержал.

— С условиями.

— При них прозвучало только последнее слово.

Орин поднял взгляд.

— Я назвал риски.

— А потом согласился.

— Потому что до Белой Створки твой план разумен.

Сайя скрестила руки.

— Разумен или ты просто не хочешь спорить с невестой?

— Это разные вопросы.

— Ответь на второй.

Орин сложил последний лист.

— Я спору, если считаю это нужным.

Сайя рассмеялась.

— Когда?

— Сегодня я возразил насчёт воды.

— Это снабжение.

— Моя работа.

— А маршрут?

Он посмотрел на карту.

— Я не навигатор.

— Вот опять.

— Что?

— Ты находишь правильную причину оставить решение мне, а потом называешь это поддержкой.

Орин нахмурился.

— Ты хочешь, чтобы я забрал у тебя право решать?

— Я хочу понять, где твоё решение.

Он молчал дольше, чем ей хотелось.

— До Белой Створки я бы пошёл.

— А дальше?

— Дальше не знаю.

— Хорошо. Уже лучше.

— Чем?

— Ты наконец не знаешь.

Орин явно не понял, почему это должно радовать.

Сайя указала на карту.

— Скажи, что запретная ветвь — глупость.

— Я так не думаю.

— Тогда скажи, что я веду людей плохо.

— Это тоже неправда.

— Орин, попробуй хоть раз сказать неприятное.

Он посмотрел прямо на неё.

— Ты приняла вчерашнее отсутствие страха за доказательство собственной правоты.

Сайя замолчала.

Он продолжил:

— И сейчас делаешь почти то же самое.
Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы ответить.
— Вот. Можешь.
— Ты сама попросила.
— Именно.
— Тогда ещё одно. Ты споришь со мной до тех пор, пока я не скажу то, что тебя заденет.

Это странный способ искать честность.

— А соглашаться со всем — хороший?
— Я не соглашался со всем.
— Со стороны это выглядит именно так.
Орин сжал губы.
— Возможно.
Его спокойствие опять начало раздражать.
— Ты вообще хочешь этого брака?
Он посмотрел на неё так, словно вопрос возник на другой дороге.
— Мы говорили о маршруте.
— Я умею замечать смену темы.
— Тогда зачем спрашиваешь сейчас?
Сайя сама не знала.

Наверное, потому что семейный представитель только что объяснил ей будущую жизнь: после свадьбы карта станет почти общим имуществом, а её решения будут проходить через мужа. И этот будущий муж стоял рядом, соглашался достаточно вежливо, чтобы нельзя было понять, где заканчивается уважение и начинается обязанность.

— Забудь, — сказала она.
Орин не стал удерживать разговор.
Это тоже её разозлило.
— Вечером проверим воду, — сказал он. — Я пришлю расчёт.
— Хорошо.
Он ушёл.

Сайя ещё несколько минут стояла над картой. Уверенность оставалась. Страх не вернулся. Сайю злило, что она не понимает человека, за которого должна выйти замуж через несколько дней.

После обеда Сайя поднялась в свою комнату. Дверь закрыла на засов и достала из дорожной сумки плоскую чайную пластинку.

Эту переписку она начала задолго до свадьбы.

На одной стороне пластинки стоял её знак — красный лист. На другой проступал знак собеседника, когда приходил ответ: простая чашка без узора.

Имени она не знала.

Так и было задумано.

Чайные метки дома Тэн проходили через нескольких писцов. Ответы пересылались дальше без имени отправителя. Сначала Сайя использовала такую связь для навигационных споров. Потом разговоры стали личнее.

Она налила в блюдце немного горячей воды, коснулась края пластинки и написала:

«Назначенный жених умеет соглашаться так вежливо, что рядом с ним невозможно понять собственную ошибку».

Буквы впитались в поверхность.

Сайя подумала и добавила:

«Сегодня я почти заставила его назвать меня плохим навигатором. Не получилось».

Она ждала.

Ответ обычно приходил не сразу. Сегодня знак чаши появился через несколько минут.

«Если тебе нужен честный спор, не проси оскорбления. Спроси, какую цену он назвал бы без свидетелей».

Сайя перечитала.

Ни сочувствия, ни утешения.

Именно поэтому ей нравился Красный лист... Нет, Тихая чаша. Она сама была Красным листом. Собеседник не говорил, что всё будет хорошо. Он всегда переводил раздражение в конкретный вопрос.

Следующая строка проявилась ниже:

«Посмотри левый край соляной карты. Старые запреты часто относятся не к ветви целиком, а к месту соединения».

Сайя выпрямилась.

Она знала этот приём. Левый край использовали, когда старые дорожные обозначения накладывались друг на друга. Большинство современных навигаторов смотрели только на центральную линию.

Кто ещё мог так читать? Сайя сразу подумала о Хэй Шуне.

Молчаливый писец дома Кай несколько раз переносил чайные метки. Сайя видела его возле семейных карт. Он почти никогда не говорил при старших и однажды исправил ошибку в дорожном счёте Орина.

Вполне возможно, что за знаком Тихой чаши скрывался именно он.

Это объясняло и осторожность, и знание старых записей.

Сайя написала:

«Если цена окажется выше срока?»

Ответ пришёл после паузы:

«Тогда срок надо назвать частью цены, а не причиной делать вид, что её нет».

Она улыбнулась. Хэй Шун говорил бы именно так, если бы вообще говорил. Сайя закрыла пластинку и вернулась во двор.

Карта всё ещё лежала на столе под навесом. Она отогнула левый край, где ткань была прошита старой нитью. Под обычным знаком запрета обнаружилась выцветшая отметка развилки.

Сайя позвала старшего проводника.

Он пришёл недовольный.

— Что ещё?

— Смотри сюда.

Она провела ногтем возле старой отметки.

Мужчина долго щурился, потом достал из кармана увеличивающее стекло.

— Военная развилка.

— Значит, запрет относится к ней.

— Не обязательно.

— Но уже не обязательно относится ко всей ветви.

Старший проводник проверил обратную сторону карты.

— Здесь старая отметка Белой Створки.

— Вот.

— Не радуйся раньше времени. После Створки дорога могла измениться.

— Поэтому я и сказала: идём только до неё.

Он поднял глаза.

— Ты действительно остановишь караван, если дальше будет плохо?

Сайя хотела возмутиться, но вспомнила вчерашний мост.

— Да.

— Даже если останется один день до срока?

Она почувствовала раздражение.

Она злилась только на сам вопрос; ни страха, ни тревоги не было.

— Я сказала: до Белой Створки. Там принимаю новое решение.

— Хорошо.

Старший проводник кивнул.

Это оказалось неожиданно приятно. Он не потребовал карту и не напомнил о будущем муже.

Через полчаса Сайя собрала людей у первой повозки.

Орин стоял справа от неё. Представители домов пришли тоже. Маэ Лин осталась у харчевни рядом с Лиорой, наблюдая состояние тех, кому уже снизили настройку.

Сайя развернула карту.

— Завтра выходим на запретную ветвь. Идём только до Белой Створки. Там останавливаемся и проверяем дорогу.

Среди возниц начался негромкий разговор.

Сайя дождалась тишины.

— Если состояние людей ухудшится раньше срока, остановимся. Это не приказ пройти ветвь целиком.

— Воды до Створки хватает с запасом. Одну бочку перенесём на первую повозку.

— Колёса?

— Проверим вечером.

Старший представитель дома Тэн шагнул вперёд.

— Дом принимает решение невесты. Караван доведёт свадебный груз до Перечного колодца любой ценой.

Сайя повернулась к нему. Она сказала совсем другое. Нужно было исправить сразу. Она открыла рот.

Возницы уже подхватили слова представителя. Несколько человек подняли руки. С другого конца двора ответили люди дома Кай.

— До колодца!

— В срок!

Орин резко повернулся к Сайе.

— Ты сказала другое.

Она слышала.

Нужно было сказать это громче.

«Только до Белой Створки».

Простая фраза.

Но десятки людей смотрели на неё. Представитель дома Тэн стоял рядом и явно ждал подтверждения. Если сейчас Сайя поправит его, все увидят сомнение. После вчерашнего моста и спора о карте это могло стоить ей права вести караван.

Она подняла руку.

— Сначала Белая Створка.

Представитель дома удовлетворённо кивнул.

— А дальше — к Перечному колодцу. Любой ценой.

Сайя промолчала. Красная соль на краю карты вспыхнула. Линия стала ярче. Орин увидел это первым.

— Сайя.

— Вижу.

— Исправь.

— Я сказала про Створку.

— Он сказал про колодец.

— Люди слышали меня.

Орин посмотрел на возниц.

— Они повторили его слова.

Сайя почувствовала, что раздражение становится сильнее.

— Я не собираюсь сейчас устраивать семейный спор перед всем караваном.

— Это не семейный спор. Дорога фиксирует формулировку.

— Потом уточним.

Орин несколько мгновений смотрел на неё, затем сказал:

— Вот это я считаю ошибкой.

Она повернулась к нему.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Ты снова не согласился.

Он не улыбнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже услышала.

Сайя свернула карту.

Разговор закончился, но слова представителя никуда не исчезли.

К вечеру повозки были почти готовы. Орин лично проверил запас воды и отказался отдавать одну из отремонтированных телег до повторной проверки ступицы. Сайя не вмешивалась.

После ужина она снова открыла чайную пластинку.

«Спросила цену без свидетелей. Он сказал: вода, колёса и неизвестный запрет. Потом при всех поддержал меня».

Ответ пришёл быстро.

«Значит, при свидетелях он защищал твоё право вести, а без них назвал цену».

Сайя нахмурилась.

Она не так это поняла.

Написала:

«Он мог сказать прямо».

«Ты тоже могла».

Сайя отодвинула пластинку. Хэй Шун становился раздражающим собеседником. Через несколько минут она всё же придвинула её обратно.

«Сегодня семейный представитель превратил мой путь до Створки в обещание дойти до колодца любой ценой. Я не стала исправлять при людях».

Ответ задержался.

«Почему?»

Сайя долго смотрела на пустое место.

Потом написала правду:

«Не хотела, чтобы они снова забрали карту».

Тихая чаша ответила:

«Тогда ты заплатила маршрутом за право выглядеть уверенной».

Сайя закрыла пластинку.

На этот раз совет ей не понравился.

Она легла, но уснуть не смогла. Через стену слышались шаги в коридоре и редкий стук из двора, где Орин ещё проверял повозки.

Сайя поднялась и снова развернула карту на маленьком столе.

Возле Камышовых Ворот стояла её отметка: «до Белой Створки, затем проверка». Она провела пальцем по обратной ветви, которую оставила для возвращения.

Красная линия прошла поверх её пометки. Соль нагрелась. Сайя убрала руку.

На карте остался путь к Белой Створке. Обратная ветвь побледнела, затем исчезла совсем.

Она раскрыла карту шире и проверила место, где должен был быть возврат. Ничего не изменилось. Осторожное решение, принятое днём, дорога больше не показывала. Она сохранила только публичное обещание, которое Сайя не решилась вовремя исправить.

Утром караван всё ещё должен был идти лишь до первой проверки. Сайя это помнила, Орин это слышал, старший проводник тоже. Но карта уже считала иначе: впереди оставалась Белая Створка, а пути назад на ней больше не было.

Глава 5. Трусость по договору

Кэн дождался, пока свадебный зал почти опустеет, и забрал у Орина ведомость груза. За окнами уже темнело. Возницы ужинали во дворе, Сайя со старшим проводником уточняла время выхода, а представители двух домов наконец перестали переходить из комнаты в комнату и проверять каждое решение молодых.

Именно этого Кэн и ждал. При свидетелях Орин быстро превращался из распорядителя снабжения в удобного жениха. Без них можно было увидеть, что он действительно умеет.

— Пойдём в конюшню.

— Зачем?

— Проверим караван без свадебного совета над плечом.

Во дворе пахло влажной соломой и свежей древесиной. После снижения перечной настройки люди двигались медленнее. Один возница сидел на перевёрнутом ведре и растирал затёкшее плечо, другой дважды проверил узел на упряжи, прежде чем отойти от лошади. Мастер у второй повозки уже поставил две широкие подпорки под ось, а не пытался удерживать кузов плечом. Вчера над этим ещё посмеялись бы. Сегодня Кэну было достаточно, что никто не смеялся над собственной травмой. Перечная уверенность ещё держалась, но в людях наконец появились паузы между желанием сделать и самим действием.

Он отдал Орину ведомость и стал задавать короткие вопросы. Слух к вечеру снова уставал, и длинный разговор только мешал.

Первая проверка сразу дала результат. Орин нашёл бочку, из которой вода уходила через плохо посаженный обруч. По ведомости запас считался полным, но до Белой Створки прежнего резерва уже не хватало.

— Заменить, — сказал Орин мастеру. — И одну полную бочку переставить ближе к голове каравана.

— Сайя велела не менять порядок груза.

— Я отвечаю за воду.

Мастер спорить не стал.

У отремонтированной телеги новая ось сидела криво. Орин присел, провёл пальцами по краю ступицы и сразу велел снимать её.

— До рассвета не успеем, — предупредил мастер.

— Тогда эта телега не выйдет до рассвета.

Кэн стоял рядом и молчал. Ему было важнее увидеть решение, чем помочь его принять. Когда мастер ушёл за инструментом, Кэн спросил:

— Здесь ты ни у кого разрешения не просишь.

— Потому что ось плохая.

— А дорога?

Орин выпрямился.

— Дорогу ведёт Сайя.

Они продолжили проверку. На последней телеге Орин переставил запасную ось ближе к голове каравана и сам предложил изменить порядок движения. Пустая разведочная повозка должна идти первой, вода — следом. Свадебные подарки он отправил глубже в колонну, чтобы при поломке они не перекрыли узкий участок.

Рядом с грузом Орин выглядел другим человеком. Он не ждал одобрения и не угадывал, какой ответ понравится семье. Кэн видел, как Орин проверяет вес и переставляет бирки. Слов мастера ему было мало: работу он осматривал сам. В его осторожности не было растерянности. Она сэкономила время и не давала одной поломке потянуть за собой следующую.

Потом из-за конюшни вышел представитель дома Кай.

— Готовы выполнить решение невесты?

Орин сразу стал осторожнее.

— До Белой Створки подготовимся.

— Хорошо. Сейчас главное — поддержать Сайю. После вчерашнего ей нельзя показывать сомнение перед людьми.

— Я понимаю.

Мужчина ушёл.

Кэн несколько секунд смотрел ему вслед.

— Вот и всё.

— Что?

— Минуту назад ты сам остановил телегу. При семье опять осталась только поддержка невесты.

Орин взял ведомость.

— Потому что семья хочет сохранить союз.

— А ты чего хочешь?

— Закончить проверку.

Кэн не стал давить. Пока он получил достаточно. Без свидетелей Орин считал риск лучше многих опытных приказчиков. Его осторожность была профессией, а не слабостью. При родственниках та же осторожность исчезала из речи, будто жениху полагалось только соглашаться.

В архивной комнате Нара разложила свадебный пакет по столу и отделила страницы полосками бумаги. Чашка с чаем возле её локтя давно остыла.

Кэн сел так, чтобы видеть её лицо. В маленькой комнате он слышал лучше.

— Начинай с неприятного.

— Всё неприятное составлено грамотно, — ответила Нара.

— Уже тревожно.

Она показала первую часть договора. Там стояло личное брачное согласие Сайи и Орина. Вторая часть связывала дома торговым союзом и общим доступом к дороге. Третья передавала свадебному Саду право устранять «временную нерешительность» до подтверждения общего оператора.

Орин прочёл нужный пункт дважды.

— Мне объясняли, что это настройка маршрута.

— В тексте такого ограничения нет, — сказала Нара.

— Мы давали согласие, чтобы люди не срывали опасный переход из-за паники.

— А подписали право корректировать нерешительность до церемонии.

Кэн провёл пальцем по полю документа.

— Значит, маршрут, свадьба и обычное желание остановиться для него одно и то же.

— В этом пункте — да.

Нара показала условие, по которому исходное согласие оставалось действующим, пока существенно не менялась конечная точка. Мост разрушен, люди ранены, путь ушёл на запретную ветвь, но Перечный колодец остался прежним. Для договора этого хватало, чтобы считать исходное решение действующим.

— Удобная конструкция, — заметил Кэн.

— Точная конструкция. Поэтому её труднее оспорить.

Орин перечитал документ.

— Я не разрешал менять моё отношение к браку.

— Документ не разделяет предмет сомнения, — ответила Нара.

— А Маэ может считать, что ей не надо спрашивать повторно?

— Пока исходное полномочие действует — да.

Кэн придвинул к Орину чистый лист.

— Тогда ограничь его.

Орин посмотрел на бумагу и не взял кисть.

Нара не торопила. Она только объяснила, что семья может счесть отзыв части полномочий изменением условий и потребовать дополнительных гарантий для торгового союза.

Этого оказалось достаточно, чтобы Орин отодвинул лист.

Кэн понял: дальше договором не обойтись. Бумага объясняла полномочия Маэ, но не отвечала, почему Орин всё ещё позволял ей решать за своё сомнение. Для этого пришлось выйти из комнаты, где любой страх легко превращался в пункт договора.

Они вышли во двор. Возле конюшни было тише. Мастер уже разбирал неправильную ось, а конюх менял подстилку.

Кэн сел на перевёрнутую корзину.

— Что случится, если ты ограничишь согласие?

— Дом Кай решит, что я пытаюсь сорвать союз.

— Ты пытаешься?

— Нет.

— Тогда что ещё?

Орин сначала говорил о сезонных заказах. Если общий доступ к соляной дороге не откроют, работники двух домов потеряют часть заработка. Потом замолчал.

Кэн ждал.

— Отец всегда считал, что я хороший помощник и плохой наследник, — сказал Орин.

— Мне доверяют расчёты. Решения обычно оставляют старшим.

— А этот союз доверили тебе.

— Да.

— И если сейчас передумашь хотя бы в одном пункте, они решат, что были правы.

Орин резко посмотрел на него.

— Я не передумываю насчёт союза.

— Но боишься, что так это назовут.

Ответа не было.

Кэн сразу узнавал знакомую защиту. Сам он долго прятал страх за полезностью. Пока человек нужен, его сложнее попросить уйти. Пока он торгуется, достаёт нужное и принимает риск на себя, никто не спрашивает, чего он хочет. Такой способ удобен до первого серьёзного выбора: можно считать себя свободным, хотя на деле каждый раз выбираешь то, что делает тебя необходимым другим.

В Илмаре эта привычка едва не стала ещё одним способом решить за Лиору. Теперь она хотя бы перестала казаться ему добродетелью.

Но Орину не нужен был чужой рассказ.

— Поддерживать любое решение Сайи не значит быть хорошим партнёром.

— А спорить с ней ради вида лучше?

— Нет. В конюшне ты отвечал за своё и остановил телегу. С собственным согласием делаешь наоборот.

Орин долго молчал.

— Ты считаешь меня трусом?

— Нет. Трусостью было бы делать вид, что сомнения нет только потому, что признать его дорого.

— Семья назовёт это слабостью.

— Возможно.

— Тебе легко говорить. Ты можешь выйти из сделки.

— Да. У меня нет дома со ста работниками. Здесь мы разные.

Орин явно ожидал спора и на мгновение растерялся.

— Тогда зачем вмешиваешься?

— Хочу понять, где твоё собственное «да».

Он не ответил, но в архивную комнату вернулся первым.

Теперь Орин взял чистый лист сам. С Нарой они составили ограничение: коррекция относится только к оценке опасности маршрута и не распространяется на решение о браке. Отдельной строкой Орин подтвердил запретную ветвь лишь до Белой Створки. Дальнейшее движение требовало новой оценки.

Нара перечитала текст.

— Подписываешь добровольно?

— Да.

— Понимаешь, что семья может оспорить изменение?

— Да.

Орин поставил имя. По краю бумаги прошла красная искра. На мгновение Кэн решил, что всё получилось.

Потом над столом появилась строка:

Уверенность общего оператора снижена.

Следом возникла вторая:

Компенсация нерешительности активна.

Кэн поднялся.

— Вот теперь у нас новая беда.

Во дворе ударил молоток.

Мастер, которого Орин отправил отдыхать, снова стоял у телеги. Вместе с двумя возницами он поднял ось. Одна подпорка лежала в стороне, второй вообще не было.

— Ось на землю, — потребовал Кэн.

— Сейчас закончим.

Телега качнулась. Кэн подхватил подпорку и вогнал её под раму.

Орин вмешался сразу:

— Я запретил ремонт до повторной проверки.

Мастер искренне удивился.

— Теперь всё нормально. Успеем к утру.

Эта уверенность появилась подозрительно быстро. Мастер даже не замечал, что держит ладонь рядом с местом, где ось могла сорваться. Вечером тот же человек трижды проверял подпорки и жаловался на боль в спине.

У конюшни два молодых охранника спорили, кто первым поведёт разведочную повозку через Белую Створку. Ещё днём оба просили отдых после моста. Сейчас каждый требовал право идти впереди. Один уже притащил седельную сумку и уверял, что ночной выход позволит выиграть несколько часов. Никто не давал такого приказа.

Кэн посмотрел на Орина. Объяснять не пришлось.

Ночные работы остановили. Орин собрал старших возниц и распорядился убрать инструмент в сарай. Кэн прошёл вдоль повозок, проверяя подпорки. Один из мастеров окликнул его с дальней стороны двора, но слова рассыпались в шуме.

— Подойди ближе и повтори.

Мужчина спросил, оставлять ли колёса до утра.

— Да. Инструмент под замок. Ключ Орину.

— Сайя хотела выйти на рассвете.

Кэн снова попросил повторить. Слух заметно устал.

— Теперь выйдет, когда повозки будут безопасны.

Ему не понравилось, насколько быстро вернулось ограничение. Но ещё меньше хотелось снова решить, что можно скрыть его до удобного момента.

У дверей харчевни Орин догнал Кэна.

— Я хотел ограничить настройку, а сделал хуже.

— Ты не повышал смелость.

— Но это случилось после моей подписи.

— Протокол принял сомнение за поломку.

— И что теперь?

Кэн кивнул на дверь.

— Теперь идём к Лиоре.

— Ты не попробуешь исправить сам?

Несколько месяцев назад он почти наверняка попробовал бы. Нашёл бы лазейку, принял лишний статус или пообещал системе больше, чем стоило. Лиоре сообщил бы после.

— Не знаю, как исправить. И хуже слышу. Один не полезу.

Орин усмехнулся.

— После всех твоих речей это самая убедительная.

— Обучение дорого обходится.

Шуткой Кэн ограничился. Главное он уже сказал.

Лиору нашли на кухне. Она проверяла слабый солёный отвар для одного из возниц, а Юнь записывала состояние после каждого глотка.

Кэн дождался конца пробы. Лиора сразу повернулась к нему лицом.

— Слух?

— К вечеру хуже. Если говорят со стороны, теряю слова.

— Поняла. Что случилось?

Он объяснил коротко: Орин ограничил полномочие, протокол увидел нерешительность и снова поднял смелость каравана. Ночные работы они остановили до травм.

— Инструменты?

— Заперты.

— Хорошо.

Лиора поручила Юнь проверить комнаты и не спорить одной с людьми, если те снова соберутся во двор.

Кэн задержался рядом.

— И ещё. Я не стал чинить протокол сам.

— Это было правильно.

Он мог бы попросить больше похвалы, но решил, что сегодня достаточно и этого.

Нара принесла подписанный лист. Маэ Лин вызвали из комнаты наверху.

Настройщица прочла ограничение Орина и сразу увидела причину. Для протокола письменное уточнение означало снижение уверенности общего оператора. Пока действовало прежнее полномочие, компенсация включалась автоматически.

— Я не отозвал маршрут, — сказал Орин. — Я ограничил своё согласие.

— Для протокола эти вещи пока связаны, — ответила Маэ.

Нара положила рядом договор.

— Новое ограничение должно иметь приоритет перед старым полномочием.

— Для живого согласия — да. Система сейчас читает иначе.

— Тогда отключите компенсацию, — сказала Лиора.

Маэ покачала головой. Резкое снятие могло вернуть накопленную тревогу сразу всему каравану. После вчерашней реакции на кислый отвар никто не хотел повторять это массово.

Они приняли неудобное решение: до утра караван остаётся на месте, работы закрываются, Маэ готовит постепенное снижение.

Лиора снова обратилась к Орину:

— Ограничение сохраняешь?

Он посмотрел на дверь, за которой разместились родственники.

— Да.

Маэ записала ответ.

Красная строка над договором дрогнула, но не исчезла.

Кэн почувствовал усталость. За день он не раз просил людей повторять фразы и теперь даже в тихой комнате слышал речь с задержкой. Лиора поставила перед ним чашку, не спрашивая, нужен ли чай, и он принял её обеими руками. Хотелось хотя бы несколько часов не слышать слово «свадьба».

Протокол признал их осторожность помехой.

Над столом возникло сообщение:

Выявлена свадебная тревога значимых участников. Для сохранения общего маршрута требуется проверка.

Нара дочитала первой. На утро назначалась проверка идеальной совместимости для значимых пар свадебного маршрута.

Первыми стояли Сайя Тэн и Орин Кай.

Ниже появились Лиора Сэн и Кэн Раю.

Кэн посмотрел на Лиору. Она молча дочитала запись. За стеной люди наконец расходились по комнатам, инструменты оставались под замком, и ночную работу удалось остановить без новых травм. Протокол принял осторожность за тревогу и запустил коррекцию. Из-за сомнения одного человека он начал проверять все пары каравана.

Утром им предстояло заниматься уже не только чужим свадебным договором. Система внесла Лиору и Кэна в тот же список и собиралась оценивать их отношения по правилам, которые они сами ещё не успели сформулировать.

Глава 6. Дорога слышит согласие

Лиора начала собираться до рассвета. На длинном столе лежали ключи от кладовой, журнал комнаты последнего слова и дощечка с расходами каравана. Харчевня опять оставалась без хозяйки почти сразу после возвращения из Илмара. В кладовой ещё хранили чужую свадебную соль, а половина двора была занята повозками.

Она проверила замок на двери комнаты последнего слова и передала ключ Наре. До выхода та должна была пройти правила с помощниками, а затем присоединиться к каравану у переправы. На время дороги комнату закрывали для новых встреч. Письмо или вещь можно было принять в зале и записать имя, но дверь без Нары никто не открывал.

— Если задержимся? — спросил пожилой помощник очага.

— Тогда комната останется закрытой.

— А если дело срочное?

— Обычную помощь окажете в зале. Здесь правила не меняем из-за спешки.

Нара повторила это помощникам и забрала второй ключ от шкафа с записями.

Юнь появилась из кухни с походной сумкой на плече. Лиора увидела её и сразу велела поставить сумку на пол.

— Я хочу идти, — сказала Юнь. — Буду вести журнал согласий и помогать с кухней.

— Ты идёшь потому, что хочешь, или потому, что считаешь себя обязанной после Илмара?

Юнь задумалась.

— Хочу увидеть, как будет меняться настройка. Вчера я записала разные реакции и не понимаю, что будет дальше. И без меня вы начнёте писать на клочках.

— Последнее убедительно.

Юнь улыбнулась.

Лиора уже проверила, кому остаётся кухня. Поэтому разрешила ей идти, но потребовала не доказывать полезность в опасной ситуации.

Из сумки показалась пёстрая голова. Пи-па объявил, что выбрал надёжный багаж, а через несколько минут уже забрался в свадебный фургон. После третьей попытки снять его Лиора решила отложить спор до выхода.

Кэн вошёл во двор, когда возница снова вытаскивал фазана через окно.

— Он считает фургон служебной повозкой.

— Потом разберёмся.

Лиора посмотрела на него внимательнее. После вчерашней ночи он говорил чуть медленнее и вставал так, чтобы видеть лицо собеседника.

— На переправе будет шумно.

— Если перестану разбирать речь, скажу сразу.

Она приняла ответ. Крум уже лежал в походном ящике рядом с маленькой ступкой. Крум не помнил готовой формулы. Старый способ обращения с перечной солью возвращался к нему, когда он брался за дело.

До выхода оставалось меньше часа. Лиора хотела успеть сделать главное: отделить лечение от свадебной настройки так, чтобы общее согласие каравана больше не подменяло отдельный ответ человека.

В зале поставили два стола. За первым Нара записывала решения. У второго Маэ Лин держала журнал Сада. Людей приглашали по одному, без родственников и старших домов за спиной.

Лиора объясняла просто: в дороге она наблюдает состояние после снижения настройки. Воду и обычную первую помощь можно принять заранее. Любая вкусовая проба требует нового согласия. Отказ от пробы не лишает человека места в караване.

Первый возница отказался от кислого.

— Вчера видел Чэня. Не хочу так.

— И не получишь без нового ответа.

Женщина с перевязанным плечом согласилась на пробу только после Белой Створки. Молодой охранник разрешил осматривать рану, но от опытных блюд отказался совсем.

Маэ следила за записями.

— Если повторять это на каждой остановке, потеряем много времени.

— Тогда начнём раньше.

— Для медицинской части порядок разумный. Для маршрута он тяжёлый.

— Он не управляет маршрутом.

Маэ закрыла журнал.

— Свадебную настройку я оставляю активной. Отключить её резко нельзя.

— Сейчас я отделяю от неё лечение.

На этом они сошлись. Компромисс был ограниченным, но реальным: Маэ признала отдельные медицинские согласия, не отказываясь от прежнего полномочия корректировать уверенность.

Один из старших возниц задержался у стола дольше остальных. Нара уже записала согласие на обычную помощь, когда он попросил уточнить, имеет ли Маэ право снова усилить настройку без его ответа.

Маэ ответила сама:

— По действующему свадебному полномочию коррекция возможна, если уверенность падает ниже порога.

Мужчина нахмурился.

— А если я скажу, что не хочу усиления?

— Медицинское согласие ты можешь отозвать сразу. Свадебная настройка относится к другому полномочию.

— Значит, я могу отказаться от вашего отвара, но не от вашей смелости?

В зале стало тише.

Лиора посмотрела на Маэ. Та не попыталась уйти от вопроса.

— Сейчас договор устроен именно так.

— Тогда запишите, что я против повторного усиления без вопроса.

Нара внесла ответ в журнал, хотя старое полномочие от этого не исчезало. Для Лиоры запись была важна: человек впервые отделил участие в маршруте от согласия на изменение собственного состояния. Маэ прочла строку и ничего не исправила.

— Я учту это при снижении, — сказала она. — Но обещать полное отключение до выхода из опасной зоны не могу.

— Тогда хотя бы спросите раньше, чем решать за меня.

Маэ кивнула. Протокол остался прежним, зато порядок их работы изменился уже сегодня.

Орин подтвердил наблюдение и обычную помощь, а кислую пробу отложил до стоянки. Сайя выбрала то же самое.

— Это задержит выход? — спросила она.

— Только если будешь долго спорить с вопросами, — ответила Нара.

Сайя поморщилась, но отвечала отдельно на каждый пункт.

Красная точка в журнале Маэ осталась прежней. Настройка не усилилась.

Кэн принёс лист с условиями сопровождения. Система уже приняла ограничение: его квест действовал до прекращения связи свадебной метки с малым очагом.

— Срок возвращения тоже записал? — спросила Лиора.

— Седьмой день. Если путь задержит нас, сообщу раньше.

Она прочла формулировку. Кэн не оставлял лазейки для исчезновения. И всё же для него обязательство по-прежнему помещалось внутри одной поездки.

— Подпиши у Нары.

— Я думал, домашние обещания принимаются без свидетелей.

Лиора посмотрела на него.

Улыбка исчезла.

— Хорошо. Подпишу.

Он ушёл к столу. Лиора почувствовала раздражение скорее на себя. Дом стал общим, но что это означало для будущих дорог, они так и не договорились.

До городской переправы караван дошёл спокойно. Пустая разведочная повозка шла первой, свадебный фургон — в середине. Пи-па всё-таки ехал в нём.

Шум воды мешал Кэну. Дважды он попросил повторить слова Орина и сам предупредил, что плохо разбирает речь со стороны реки. Важные распоряжения теперь говорили ему лицом к лицу.

Белая Створка стояла за последними складами Камышовых Ворот. Две светлые каменные опоры соединяла поперечная плита. Между ними лежала дорожная соль, а красная линия на карте Сайи доходила к основанию.

За створкой начиналась запретная ветвь.

Сайя первой подошла к карте. Орин встал рядом. Представители домов хотели приблизиться, но Нара остановила их.

— Подтверждают только владельцы полномочий.

Маэ открыла журнал. На карте появилась короткая строка:

Совместное подтверждение домов Тэн и Кай. Створке требовался общий оператор. Ни любви, ни брака она не спрашивала. Сайя положила ладонь на карту.

— Я доведу караван до Перечного колодца и отвечаю за путь.

Соль возле её пальцев нагрелась, красная линия ушла к левой опоре.

Орин посмотрел на повозки и сказал:

— Я не оставляю её одну с последствиями этого решения. За людей и груз отвечаю до конца маршрута.

У него соль нагрелась слабее. Красный след пошёл к правой опоре медленнее.

Лиора увидела различие сразу. Сайя обещала вести, Орин — разделить последствия. Дорога просто сложила два ответа в одну функцию.

Общий оператор подтверждён.

Кэн посмотрел на две нагретые полосы соли и попросил повторить формулировки отдельно. Сайя назвала своё обещание ещё раз, но уже без торжественного нажима. Орин тоже повторил свою часть.

— Слышишь разницу? — спросила Лиора.

— Сайя обещает довести. Орин обещает остаться рядом, если будут последствия.

— А створка считает это одним подтверждением.

Орин нахмурился.

— Потому что обоих ответов достаточно для общего оператора?

Маэ сверилась с журналом.

— Да. Протокол соединяет навигационное и снабженческое полномочия. Он не проверяет, одинаково ли вы понимаете личное обязательство.

Сайя посмотрела на Орина.

— Хорошо, что хоть дорога не требует одинаковых мыслей.

— Пока, — сказал Кэн.

Лиора повернулась к нему.

Он поднял ладони.

— Это не шутка. Мы уже видели, как удобное техническое правило начинает считать себя чем-то большим.

Нара записала обе формулировки дословно. Если позже дорога изменит их смысл, у команды останется исходный ответ, а не семейный пересказ.

Белая плита дрогнула, и между опорами открылся путь в белую степь.

— Она приняла их как одно, — сказал Кэн.

— Потому что оба подтвердили маршрут.

— Для дороги этого достаточно.

— Для дороги, — повторила Лиора.

Нара потребовала подтвердить ещё одно: остановку после Белой Створки. Сайя проговорила, что караван идёт только до первой безопасной стоянки и там снова оценивает путь. Орин добавил условие пересмотра, если дорога изменится.

Красная линия дрогнула, но проход не закрылся.

Представитель дома Тэн шагнул вперёд.

— Свадебный груз всё равно должен быть доставлен в срок.

Сайя резко обернулась.

Нара подняла руку.

— Новых клятв не нужно.

Мужчина отступил.

Караван двинулся. Когда первая повозка прошла между опорами, по колёсам пробежал красный свет. Лошади вздрогнули, но не остановились. Лиора шла рядом с походной кухней и следила за людьми. После снижения настройки возницы уже замечали усталость. Один сам попросил остановить телегу, чтобы подтянуть ремень, и Сайя согласилась.

По ту сторону Створки исчез запах Камышовых Ворот. В воздухе остались соль и нагретый металл.

Перед ними лежала белая степь. Дорога проявлялась плотной полосой соли. В стороне поверхность выглядела крепкой, но камешек, брошенный возницей, провалился в рыхлую корку.

Высоко двигались механические звёзды. Днём они напоминали тёмные металлические точки с короткими лучами. Одна остановилась над караваном на несколько мгновений, затем продолжила путь.

— Она следит за нами? — спросила Юнь.

Крум отозвался из ящика:

— Она следит за дорогой. Люди любят считать себя интереснее имущества.

Лиора посмотрела вверх. Звезда не приближалась. Это была часть старой инфраструктуры.

Красная линия на карте вела к дальней развилке. Обратная полоса пока тянулась к Белой Створке.

Через несколько сотен шагов представитель дома Кай сказал вознице:

— Теперь только вперёд. Путь уже подтверждён.

Соль под ногами вспыхнула.

Лиора обернулась. Обратная полоса стала слабее.

— Больше ничего не обещайте дороге.

Сайя посмотрела на родственника.

— Я этого не говорила.

— Я только поддержал общее решение.

Орин подошёл к краю пути.

— Обратная ветвь побледнела.

Кэн присел и коснулся соли концом дорожной палки. Крупинки легли в сторону движения.

— Повторённые обещания закрепляют маршрут.

Нара записала точную фразу. Лиора велела до первой стоянки говорить только о конкретной работе.

Один возница спросил, можно ли обещать напоить лошадь.

— Скажите, что дадите ей воды на стоянке, — объяснила Юнь.

Пи-па высунулся из фургона.

— Я торжественно планирую обед.

— Ещё громче — и пойдёшь пешком, — сказала Лиора.

Фазан исчез.

Дальше правило подтвердилось. Команды Сайи о повороте или расстоянии между телегами не меняли дорогу. Но когда возница заявил, что дойдёт до колодца даже на сломанном колесе, обратная полоса снова побледнела.

Юнь записала слова.

Лиора почувствовала неприятную простоту механизма. Дорога не читала любовь, верность или смелость. Она брала публичное обязательство и превращала его в маршрут. Чем чаще люди повторяли одно обещание, тем труднее становилось вернуться к прежней ветви.

Кэн догнал Лиору возле походной кухни.

— Тогда скажу полезное. После этой поездки я возвращаюсь в харчевню.

Он говорил без улыбки.

Соль у их ног немного нагрелась, но направление не изменилось.

— На седьмой день? — спросила Лиора.

— Если пройдем по плану.

— А если план изменится?

— Сообщу. Мы это записали.

— Я не про сообщение.

Кэн нахмурился.

Она не хотела превращать дорогу в место для большого разговора, но вопрос уже стоял между ними.

— Ты обещаешь вернуться после этой поездки. А если изменится не срок? Если тебе захочется уходить в дорогу чаще. Или мне придётся надолго оставить харчевню.

Кэн помолчал.

— Будем решать тогда.

— Как?

— Вместе.

— По каким правилам?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Нам нужны правила?

— Возможно.

— Я думал, достаточно не исчезать и возвращаться, когда сказал.

Лиора вспомнила его дорожную сумку, которая пять месяцев стояла собранной у стены. Потом он её разобрал и назвал харчевню домом. Теперь заранее говорил срок и не скрывал состояние слуха. Он изменился. Но обязательство всё ещё представлял одной дорогой за раз.

— Для этой поездки достаточно, — сказала она.

Кэн услышал разницу, но ответить не успел. Впереди остановилась разведочная повозка.

Первая безопасная стоянка оказалась кругом плотной соли возле низкого каменного знака. Орин сразу проверил воду. Сайя развернула карту и не потребовала продолжать путь. Маэ прошла вдоль каравана и снизила настройку ещё на один шаг.

Перед проверкой Маэ попросила Сайю и Орина отдельно подтвердить, что снижение настройки на стоянке не отменяет их право остановить путь. Сайя ответила первой.

— До осмотра развилки дальше не идём.

Орин добавил:

— Если запас воды или состояние людей изменятся, я потребую новую остановку.

Сайя повернулась к нему.

— Потребуешь?

— Да.

В её лице мелькнуло удивление, потом она кивнула.

Лиора отметила это в журнале. Орин впервые при всей группе назвал условие, при котором сам остановит караван. Система не возразила.

— Значит, условная формулировка дорогу не ломает, — сказал Кэн.

— Пока она произнесена ясно, — ответила Нара.

Лиора получила нужный ответ: условия можно менять. Дорога принимала обязательство с оговоркой. Абсолютные клятвы люди добавляли сами.

Люди получили время посидеть. Один охранник признался, что больше не хочет первым идти к неизвестной развилке. Никто не стал убеждать его, что это трусость.

Юнь принесла журнал.

— Кислого пока никто не просит.

— Не предлагай сама.

Кэн сел на край повозки и прикрыл ухо ладонью. Лиора подошла так, чтобы он видел её лицо.

— Хуже?

— После Створки шум в голове. Речь слышу.

— Отдыхай до проверки.

— Какой?

Ответ появился раньше неё. На каменном знаке загорелась красная полоса, а над картой Сайи возникло сообщение:

Первая точка маршрута достигнута.

Требуется проверка значимых пар.

Сайя недовольно выдохнула. Маэ напомнила, что протокол назначил проверку ещё ночью. На карте появились имена Сайи Тэн и Орина Кая. Ниже возникли Лиора Сэн и Кэн Раю. Кэн прочитал запись.

— Я надеялся, дорога забудет.

Красная строка возле их имён изменилась. Полной проверки ещё не было, но система уже вывела предварительный результат по дорожным данным:

Совместимость ниже дорожной нормы.

Лиора сначала посмотрела на соль под картой. Возле их имён она лежала спокойно и не перекрывала путь. Значит, оценка пока ничего не решала. Система лишь сравнила имеющиеся данные со своей нормой.

Кэн смотрел на Лиору, ожидая реакции. Она не собиралась возражать с цифрой до проверки, но неприятное чувство всё равно осталось. За спиной дорога к Камышовым Воротам почти погасла, впереди красная линия уходила к запретной развилке, а над степью двигалась механическая звезда. Караван сохранил право остановиться на первой стоянке, но собственными обещаниями уже ослабил путь назад. Теперь Лиоре предстояло выяснить, что именно

система считает совместимостью и не попытается ли она однажды сделать этот вывод таким же обязательным, каким уже сделала чужую уверенность.

Часть II. Совместимость ниже дорожной нормы

Глава 7. Жених с двумя подписями

Орин начал вечер с воды. На первой стоянке за Белой Створкой люди разжигали походные очаги, а он в счётном фургоне снова сводил запас. После Камышовых Ворот одну бочку заменили, но лошади выпили больше расчёта. До следующего подтверждённого источника резерв оказался меньше нормы. Он пересчитал ведомость ещё раз. Снаружи Сайя спорила с проводником о раннем выходе, но Орин не вмешивался. Сейчас важнее было понять, хватит ли воды.

В ведомости было два места для подписи. Первым Орин подтверждал груз дома Кай. Вторым — маршрут как жених и участник общего оператора. Первую строку он подписал сразу.

Груз дома Кай подтверждён общим оператором.

Он нахмурился и перечитал. Общий оператор здесь был не нужен. Это была обычная товарная ведомость. Орин поставил рядом пояснение: «подпись наследника дома Кай». Запись не изменилась. Он открыл маршрутный лист и написал: «решение о дальнейшем пути не подтверждаю до проверки воды».

Красная линия на краю обеих бумаг дрогнула. Потом две подписи потянулись друг к другу и легли под одним знаком.

Общий оператор: подтверждение частичное.

Орин перевёл взгляд на свою первую подпись. Ему нужно было всего лишь подтвердить воду и груз, но система уже использовала это как часть семейного решения. На бумаге различие существовало. Для дороги — нет. Если так же будет устроен весь путь, любой деловой ответ сможет стать аргументом в пользу личного согласия.

— Опять, — сказал Орин.

Кэн, сидевший на ступеньке фургона, поднял голову. Он пришёл проверить расчёт и остался после того, как Орин попросил говорить лицом к нему.

— Что именно?

— Я подписал груз как наследник. Система записала это как подпись общего оператора.

Кэн поднялся и посмотрел на листы.

— А маршрут?

— Ограничил.

— И она всё равно склеила?

Орин показал знак. Кэн не улыбнулся.

— Вот это уже полезная ошибка.

— Для кого?

— Для нас. Теперь она лежит на бумаге.

Орин снял очки. Союз был выгоден обоим домам, но ущерб после нападения уже съел почти всю прибыль первого рейса. Новая вода делала свадебный караван ещё дороже. Он перевернул лист.

— Домам этот союз нужен. Но сама свадьба не покрывает потери даже в первом рейсе.

— Значит, романтика опять не сошлась с бухгалтерией.

— Здесь её и не было.

— В расчёте?

— В расчёте.

— А во второй подписи?

Орин надел очки.

— Не начинай.

— Уже закончил.

Кэн действительно замолчал, и Орин был ему за это благодарен.

К вечеру Маэ Лин поставила в центре лагеря низкий стол для первой проверки совместимости. Нара потребовала записывать ответы дословно и не превращать их в новую клятву. Маэ согласилась. Сайя пришла с картой под рукой. Орин сел напротив.

Маэ открыла журнал.

— Отвечайте отдельно. Не подсказывайте друг другу.

Сайя усмехнулась.

— Мы три дня пытаемся не подсказывать.

Маэ не отреагировала.

Первый вопрос был о долге перед людьми каравана.

— Срок не стоит новых травм, — сказал Орин.

— Если люди перестают оценивать опасность, путь надо остановить, — ответила Сайя.

Красная строка возле их имён стала ярче.

— Что важнее при угрозе срыва: семейный срок или безопасность работников? — спросила Маэ.

— Без людей не будет сезона, — сказал Орин.

— Значит, сначала люди, — ответила Сайя.

Орин почувствовал облегчение и сразу насторожился. Каждое совпадение ответов приносило облегчение. Орин не понимал, было ли оно его собственным или свадебная настройка снова сглаживала сомнение.

Маэ задала третий вопрос:

— Если личное решение одного из вас мешает торговому союзу, что важнее?

Сайя ответила не сразу.

— Сначала нужно отделить личное решение от торгового.

Орин посмотрел на неё. Он собирался сказать именно это.

— Союз можно пересобрать договором, — добавил он. — Личное согласие нельзя заменять ущербом для работников.

Маэ сделала запись. Рядом с именами вспыхнул результат:

Совместимость высокая. Поведенческое расхождение незначительное.

Сайя заметила его паузу.

— Тебе не нравится результат?

— Мне не нравится, что я не понимаю источник.

— А если источник просто в том, что мы оба не хотим подвести людей?

— Тогда это хороший результат. Но я хочу знать, что он не подправлен заранее.

Сайя выдохнула и впервые за весь день улыбнулась без раздражения. Орин тоже почувствовал облегчение. На этот раз желание ускориться стало сильнее.

Он тут же испугался самого чувства. Если настройка умела усиливать смелость при сомнении, могла ли она так же усиливать спокойствие после нужного результата? Он не знал. Маэ смотрела на запись с явным удовлетворением.

— Вот почему я не считаю метод ошибочным, — сказала она. — Вы принимаете решения из одной основы.

— Он показывает, почему мы ответили одинаково?

— Нет. Он показывает устойчивое совпадение.

— Свободно мы отвечали или потому, что боимся подвести дома?

Маэ помолчала.

— Этого проверка не различает.

— Тогда откуда вывод про общую основу?

— Из поведения. Это рабочая оценка.

Нара сразу внесла формулировку в журнал.

Сайя посмотрела на Орина.

— Ты снова ищешь проблему в хорошем результате?

— Я хочу знать, что именно он измерил.

— Мы ответили одинаково.

— Потому что оба отвечаем за людей. Это ещё не ответ на всё остальное.

Её улыбка исчезла, но спорить она не стала. Маэ закрыла журнал, довольная результатом. Орин увидел другое: система могла награждать их просто за привычку ставить долг выше собственного неудобства.

После проверки Орин заперся в счётном фургоне и достал чайную пластинку. На его стороне стоял знак Тихой чаши. Ответы приходили под знаком Красного листа. Высокий результат не радовал Орина.

Орин смочил край пластинки и вывел:

«Назначенная невеста умеет брать ответственность так быстро, что рядом с ней легко перестать принимать собственные решения».

Он перечитал и добавил:

«Сегодня мы прошли проверку. Совпали почти во всём».

Пока ответа не было, Орин снова посмотрел ведомость. Две бочки можно было взять только вместо части подарков. Решение было простым, семейный разговор — нет.

На пластинке появился знак Красного листа.

«Если вы совпали, это ещё не значит, что оба говорили свободно».

Орин замер. Следующая строка проступила медленнее:

«Назови хотя бы одну цену вслух. Не ту, которую удобно принять всем».

Он положил кисть. Именно за это ему нравилась переписка. Собеседница никогда не советовала довериться чувствам и не предлагала красиво страдать. Она спрашивала о том, что можно сделать.

Орин написал:

«Цена — часть свадебных подарков. Нам нужна вода».

Ответ пришёл быстро:

«Это цена груза. А твоя?»

Он долго смотрел на строку. Собственная цена ему не нравилась. Орин терпеть не мог публичные пиры, где от него ждали правильной улыбки, а отец нередко отвечал на вопрос раньше него. На свадьбе такого будет больше, чем за весь прошлый год.

Этого он не написал. Вместо этого вывел:

«Не люблю конфликтовать с людьми, от которых зависит общий договор».

Фраза была правдивой и при этом удобной. Он сразу понял это.

Красный лист ответил:

«Это объяснение. Не цена».

Орин отодвинул пластинку. Через несколько минут вернулся.

«Если я скажу „нет“ не вовремя, семья решит, что я неспособен удержать союз».

Ответ появился не сразу.

«Вот уже ближе».

Он невольно улыбнулся. По стилю Красный лист напоминал Талу Вэй, разведчицу дома Тэн. Она знала старые дорожные узлы и переносила служебные метки между домами. Орин решил, что версия правдоподобна, но проверять не стал. Анонимность делала переписку честнее.

Он написал:

«Невеста считает, что я легко соглашаюсь».

Ответ:

«А ты?»

Орин подумал.

«Иногда».

После этого долго ничего не происходило. Потом появилась одна строка:

«Тогда перестань называть уступку поддержкой, хотя бы один раз».

Орин закрыл пластинку и убрал её в ящик. Он уже знал, с чего начать.

Сайя сидела у карты возле маленького фонаря. Представители домов ушли спать, и Орин сел напротив.

— У нас не хватает воды на безопасный запас.

Сайя подняла глаза.

— Насколько?

— На две бочки до следующего подтверждённого источника.

— Можно сократить расход.

— Уже сократили.

Он положил ведомость перед ней.

— Предлагаю оставить часть подарочного груза у Белой Створки. Освободим место и возьмём воду.

Сайя сразу нахмурилась.

— Дом Тэн будет против.

— Дом Кай тоже.

— Какие подарки?

— Два сундука церемониальной ткани.

Она быстро посмотрела сумму.

— Они дорогие.

— Поэтому за ними вернутся.

— Если створка потом закроется?

— Заплатим хранение и заберём после восстановления обычной дороги.

Сайя провела пальцем по ведомости. Орин ждал спора.

— Если оставить ткань, повозка станет легче?

— Да. На солончаке это тоже поможет.

Она ещё раз просмотрела расчёт.

— Хорошо. Оставляем.

— И всё?

— А чего ты ждал?

— Спора.

— Ты показал недостачу и решение. Зачем спорить?

— Это свадебные подарки.

— Если не доедем, подарки никому не помогут.

Сайя перевернула лист и поставила отметку. Потом посмотрела на него.

— Спасибо, что возразил до выхода.

Орин почувствовал странное тепло, совсем не похожее на облегчение после системной проверки.

— Это моя работа.

— Знаю.

— Тогда за что спасибо?

Сайя пожала плечами.

— За то, что сказал прямо.

На несколько секунд Орин забыл про Красный лист. Потом к столу подошёл представитель дома Кай.

— Что решили?

Орин автоматически выпрямился. Сайя уже открыла рот, но он ответил первым:

— Оставим два сундука ткани у Белой Створки. Вместо них возьмём воду.

Мужчина резко повернулся к нему.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Это подарок старшей ветви.

— И он останется цел.

— Свадебный караван не должен приходить без него.

Орин почувствовал знакомое желание отступить и объяснить, что решение приняла Сайя. Так было бы проще. Он удержался.

— Решение моё. Сайя согласилась после расчёта.

Представитель дома Кай помрачнел.

— Отец будет недоволен.

— Я объясню ему сам.

Мужчина посмотрел на Сайю, явно ожидая, что она отменит решение. Она не вмешалась. Орин выдержал паузу.

— Вода важнее ткани на этой дороге.

Представитель ушёл, не попрощавшись. Орин выдохнул. Сайя смотрела на него с лёгким удивлением.

— Ты сейчас не сказал, что поддерживаешь меня.

— Потому что это было моё предложение.

— Наконец-то.

В её голосе не было насмешки.

Орин хотел ответить, но к ним уже подошли двое старших возниц. Новость о снятом грузе быстро разошлась по лагерю. При людях разговор снова стал другим.

Сайя объяснила, что повозку разгрузят до рассвета. Орин добавил расчёт воды, но представитель дома Тэн похвалил невесту за смелое решение пожертвовать частью церемонии ради пути.

Люди повернулись к Сайе. Она собиралась возразить, но Орин сказал раньше:

— Навигатор приняла верное решение.

Фраза вышла привычно.

Сайя посмотрела на него. Ещё минуту назад он сам настоял на разгрузке. Теперь одним предложением снова отдал ей всё решение. Орин понял это сразу, но исправляться при людях не стал. Представитель дома Тэн удовлетворённо кивнул.

Над картой вспыхнула красная строка:

Совместимость повышена. Поддержка общего решения подтверждена.

Следом появилось второе сообщение:

Награда маршрута: уверенность усилена.

Усталость отступила почти сразу. Сомнение насчёт подарков показалось мелким, и Орину захотелось разгрузить ещё одну повозку, чтобы идти быстрее. Сайя тоже выпрямилась.

— Если выйдем на час раньше, успеем пройти первую меру до жары.

Орин посмотрел на карту. Идея казалась отличной. Именно поэтому он насторожился.

Минуту назад они договорились выйти до рассвета. Хотелось прибавить шаг, хотя дорога не требовала спешки. Он достал из кармана маленькую дощечку и написал: «усиление после публичной поддержки».

Сайя заметила.

— Что?

— Записываю момент.

— Ты думаешь, это опять настройка?

— Маэ сама назвала усиление наградой.

Сайя посмотрела на красную строку и замолчала. Орин ждал, что она возразит. Вместо этого она сказала:

— Тогда время выхода не меняем.

Он почувствовал сопротивление этому решению внутри себя. Ему хотелось выйти раньше и доказать, что риск невелик.

Этого признака Орину хватило.

— Согласен.

Сайя усмехнулась.

— Сейчас это слово звучит подозрительно.

— Мне тоже не нравится.

Срок оставили прежним. Орин пошёл к Маэ. Она признала, что высокий результат мог дать протоколу основание вернуть часть уверенности.

— Как награду?

— Как стабилизацию поведения.

— Мы не просили.

— Полномочие ещё действует.

— Я его ограничил.

— Ты ограничил личную часть. Маршрутная осталась.

Орин положил дощечку на её стол.

— Тогда запиши: после публичной поддержки нам захотелось ускорить движение.

Маэ прочла дощечку.

— Это может быть следствием награды.

— Называй как хочешь. Перед следующим ручным усилением предупреди.

— Хорошо. До утра сама усиливать не буду.

Автоматическая часть протокола всё ещё оставалась.

Ночью он снова открыл чайную пластинку.

Красный лист уже оставил сообщение:

«Назвал цену?»

Орин написал:

«Да. Оставляем дорогие подарки ради воды. Семья недовольна».

Ответ появился через несколько минут:

«А свою цену?»

Орин устало закрыл глаза. Весь вечер он ходил вокруг неё.

Наконец написал:

«Я сказал при семье, что решение принадлежит невесте, хотя предложил его сам. Так проще. Потом система решила, что мы стали совместимее».

Ответ задержался. Орин начал убирать бумаги, когда пластинка нагрелась.

«Если человек всё время согласен, спроси, что он защищает молчанием».

Орин перечитал строку трижды. Вопрос попал точно. Орин спрятал пластинку, но долго не спал. За стенкой снимали сундуки с тканью. Одной подписью он соглашался на перевозку, второй хотел сохранить право сомневаться в личном решении. Система всё ещё складывала их вместе, а при свидетелях он сам помогал ей, отдавая Сайе собственную часть решения.

Перед рассветом Орин вышел проверить воду. Два освобождённых места уже заняли бочки. Сайя стояла возле первой повозки с картой в руках и ждала его.

Он подошёл.

— Запас готов. До следующей точки хватает.

Сайя кивнула, но карту не открыла.

— Орин, я хочу спросить до выхода.

Он насторожился.

— Спрашивай.

Она смотрела прямо на него.

— Если ты всё время соглашаешься, что ты защищаешь своим молчанием?

Орин замер. Слова почти повторяли ночную строку Красного листа.

На несколько мгновений он забыл о времени выхода. Потом посмотрел на Сайю внимательнее, но она уже разворачивала карту и явно не понимала, что именно только что сделала. Караван готовился к дороге. У Орина впервые появилась причина проверить не только две собственные подписи, но и человека, с которым он несколько месяцев говорил под чужим знаком.

Глава 8. Сорок один процент

Кэн проснулся от того, что Пи-па пытался открыть крышку котелка клювом. Фазан стоял на ящике у походной кухни и делал вид, что занят важной службой. За шатрами уже двигались люди, но караван не собирался выходить. После вчерашней проверки Маэ назначила значимые пары на утро, и без неё протокол не давал снять дорожное предупреждение.

Он выгнал Пи-па с ящика и проверил слух. Ночь помогла: речь рядом он разбирал почти нормально. Дальние голоса ещё сливались с шумом лагеря, поэтому у шатра он встал ближе ко входу и дождался Лиору. Она пришла с журналом Юнь и маленькой дощечкой. Перед входом тщательно выровняла края листов. Эту привычку Лиоры он знал: так она делала, когда хотела сначала понять правило, а потом спорить.

— Быстро пройдем и пойдем к повозкам, — сказал Кэн.

— Сначала узнаем, что она измеряет.

— Если измеряет плохо, тем быстрее закончим.

Лиора посмотрела на него. Ему не потребовалось объяснение.

— Ты обещал без шуток.

— Я помню.

В шатре два стула стояли по разные стороны низкого стола с дорожной солью. Нара села сбоку с журналом. Маэ предупредила: совпадение ответов не создаёт согласия на брак и новых личных обязательств. Это Кэну понравилось. Первая часть проверки оказалась почти оскорбительно бытовой.

Маэ спросила, когда им удобнее начинать работу. Лиора выбрала раннее утро. Кэн предпочёл не назначать времени заранее, если дорога или заказ не требуют этого.

На вопрос о деньгах Лиора сказала, что крупные общие расходы надо обсуждать заранее. Кэн согласился, но добавил, что каждому нужен отдельный запас, за который не приходится отчитываться.

— Выберите один вариант, — сказала Маэ.

— Я выбрал оба.

— Тогда ответ считается смешанным.

— Можно считать разумным.

Нара записала формулировку без комментария и дождалась следующего вопроса.

Он касался порядка в общем доме. Лиора хотела знать, где лежат вещи, которыми пользуются оба. Кэн считал достаточным, чтобы нужную вещь можно было найти за несколько минут.

— Это и есть отсутствие порядка, — сказала Лиора.

— Нет. Это более свободная система хранения.

— Ты три дня искал дорожный нож.

— Зато нашёл две вещи, которые потерял раньше.

Маэ подняла ладонь, прерывая спор.

— Не угадывайте хороший общий ответ. Мне нужны ваши собственные.

Кэн уже понял принцип. Вопросы измеряли сходство бытовых привычек.

На отъездах стало хуже. Лиора хотела заранее знать срок и причину поездки, если это возможно. Кэн считал достаточным сказать, куда идёт, когда вернётся и сообщить об изменении. Для него это звучало почти одинаково. Маэ отметила расхождение.

— В чём? — спросил Кэн.

— Лиора включает обсуждение решения до отъезда. Ты — уведомление после принятого решения.

Он повернулся к Лиоре. Та уже ждала вопроса.

— Если работа появилась, я не могу спрашивать, можно ли мне ехать.

— Я не говорила про разрешение.

— Тогда о чём?

— О разговоре до решения, если оно касается нас обоих.

Кэн хотел возразить, но Маэ уже перешла дальше. При ссоре Лиора предпочитала закончить разговор хотя бы временным решением. Кэну нужно было сначала выйти, остаться одному и вернуться позже. Здесь они не совпали совсем.

Ответ Лиоры о незапланированном госте Кэн угадал. Она точно назвала его привычку откладывать часть внезапной прибыли, а остальное пускать в новое дело. Маэ остановила их прежде, чем они начали соревноваться.

— Знание привычек не повышает результат, если собственные предпочтения разные.

— Странная система. Мы же как раз знаем, с чем придётся жить.

— Это другой показатель.

— У вас на всё отдельный показатель?

— На то, что можно измерить.

Лиора не улыбнулась. Она следила за солью: после каждого ответа крупинки собирались в две линии, которые чаще расходились.

Совпадение появилось на вопросах о границах. Оба ответили, что помощь нельзя навязывать после ясного отказа и старую договорённость надо пересматривать, если условия изменились. Лиора не позволяла решать за партнёра ради его безопасности. Кэн сказал проще: нельзя отбирать выбор и потом называть это заботой.

Красные линии на соли соединились, и Маэ сделала отметку в журнале.

— Здесь полное совпадение.

— Наконец-то. Я начал переживать за нашу репутацию.

Лиора посмотрела на него, и Кэн вспомнил обещание. Дальше он сидел молча.

Проверка закончилась вопросом о будущем. Если привычные условия жизни изменятся, что нужно сохранить прежде всего?

Лиора выбрала возможность пересмотреть договорённость вместе. Кэн сказал, что важно выполнить уже данное обещание, а новое обсуждать после. Маэ записала оба ответа и накрыла ладонью дорожную соль.

Красные линии стянулись к центру. Над столом появилось сообщение:

Предварительная бытовая совместимость: 41%.

Кэн перечитал число. Оно выглядело настолько уверенно, что первой мыслью стало поторговаться.

— Сорок один — это с учётом дороги?

— Да, — ответила Маэ.

— А если округлить?

— До сорока одного.

— Я надеялся хотя бы до пятидесяти. У нас свадебный караван, можно сделать праздничную скидку.

Нара спрятала улыбку за журналом. Лиора не отреагировала, и Кэн перестал торговаться.

Маэ открыла пояснение. Высоко оценивались надёжность в работе и уважение к чужому решению. Низко — бытовой режим и способ решать споры. Для долгого общего маршрута система считала пару неудобной.

— Мы уже живём вместе.

— Проверка этого не отрицает.

— Тогда что именно означает сорок один?

— Что при неизменных привычках вам потребуется больше ручных договорённостей, чем паре с близким режимом.

Лиора наконец отвела взгляд от соли.

— Она измеряет способность договориться?

— Нет. Только текущие ответы, их устойчивость и повторяемое поведение.

Кэн хотел сказать, что число тогда почти бесполезно, но остановился. Лиора слушала, не отводя взгляда.

Маэ перелистнула журнал и сообщила, что протокол может показать более подходящие бытовые сочетания среди взрослых участников каравана. Это была рекомендация, не назначение. Кэн сначала решил, что ослышался.

— Подходящие что?

— Люди с близким режимом.

— Мне предлагают нового соседа?

— Не обязательно соседа. Система указывает потенциально устойчивые пары.

Лиора сидела неподвижно. Маэ назвала женщину из дома Тэн с таким же гибким режимом, как у Кэна. Лиоре система подобрала старшего мастера дома Кай, который любил ранний подъём и заранее обсуждал общие решения.

Кэн представил, как Лиора делит кухню с человеком, который раскладывает ножи по длине, и почти рассмеялся. Потом увидел её лицо. Шутка так и осталась при нём.

— Отказаться можно?

— Да. Рекомендация не создаёт обязательства.

— Тогда отказываюсь.

Маэ повернулась к Лиоре.

— Я тоже, — сказала та, не глядя на Кэна.

Соль приняла два ответа, и над столом появилась новая запись:

Рекомендации отклонены. Повторный подбор доступен при изменении условий.

— Оставьте себе.

Маэ спокойно закрыла раздел.

— Я не принуждаю вас к замене.

— Знаю.

Это раздражало сильнее. Маэ ничего не навязывала, только показывала расчёт и оставляла выбор за ними. Ошибка начнётся позже, если число получит право решать больше, чем должно.

Они вышли из шатра. Утро стало жарким. Караван готовился к движению через солончак Первой Меры, но Сайя задержала выход до завершения проверок. Кэн пошёл к походной кухне. Лиора некоторое время шла рядом молча.

— Сорок один. У нас бывало хуже.

Она остановилась и повернулась к нему.

— Не надо.

— Что?

— Обесценивать.

Кэн тоже остановился.

— Я считаю таблицу глупой.

— Я поняла.

— Тогда почему ты сердишься?

Лиора посмотрела на дорогу.

— Потому что она попала в вопрос, на который у нас нет ответа.

— У нас есть дом.

— Есть.

— Я возвращаюсь.

— Возвращаешься.

Кэн ждал продолжения.

— Можешь назвать наше соглашение, не используя слова «дом», «квест» и срок этой поездки?

Дом и был для него самым ясным ответом. Он остался, разобрал дорожную сумку, получил ключ и возвращался после поездок. Что ещё требовалось назвать?

— Я сказал, что вернусь на седьмой день. Если дорога изменится, сообщу.

— Это про эту поездку.

— А мы сейчас в ней.

Лиора несколько мгновений смотрела на него, потом кивнула.

— Хорошо.

Она пошла дальше. Кэн понял, что разговор закончился неправильно. Ему казалось, он ответил точно: не обещал вечности и назвал действие, которое способен выполнить. Но её «хорошо» вопрос не закрыл.

У кухни Юнь сортировала дорожные чашки. Крум лежал в ящике возле ступки, а Пипа ходил по борту фургона и пытался вытащить из связки сушёную сливу. Кэн забрал сливу первым.

— Не тебе.

Фазан возмущённо захлопал крыльями и ушёл к другому краю телеги.

Лиора проверила крепление походной плиты. Кухонный ящик должен был идти на отдельной телеге между двумя грузовыми повозками. После вчерашней перестановки его закрепили заново. Она потянула правый ремень, и деревянная рама резко просела.

Кэн успел отступить. Один угол плиты ударился о борт, а медная кастрюля съехала на землю. Лиора сразу присела возле крепления. Металлическая скоба лопнула у отверстия. Ремень был цел.

— До выхода не поедет.

Юнь подняла кастрюлю и поставила её на землю.

— Запасная есть?

Лиора открыла ящик с ремонтом. Внутри лежали ремни и деревянные клинья, но нужной скобы не было.

Кэн посмотрел на караван. Похожая скоба стояла на дорожном коробе с подарками дома Тэн.

— Я найду.

Лиора не спросила как.

— Нужна скоба на два пальца шире этой. Отверстия здесь и здесь.

Она показала расстояние, и Кэн запомнил.

— Не снимай с действующей повозки.

— Как мало доверия.

— Как много опыта.

На этот раз её голос звучал почти привычно. Кэн пошёл к счётному фургону Орина. Тот проверял новый запас воды. Под боковым сиденьем лежал ящик с крепежом, но подходящей скобы не оказалось.

Возле подарочного короба Кэн увидел нужную деталь. Она держала декоративную крышку и не несла веса. Орин сразу понял его интерес.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Ты смотришь на чужую вещь как на будущую сделку.

— Кухня потеряла крепление.

Орин подошёл к коробу и проверил скобу.

— Она принадлежит дому Тэн.

— Значит, мне нужен человек дома Тэн с плохим вкусом в подарках.

— Не ломай крышку.

— Я хочу заменить скобу деревянным штифтом, а эту взять до следующего поселения.

Орин разрешил обмен после записи в ведомости. Кэн нашёл мастера дома Тэн и предложил за скобу две новые на следующем рынке. Мастер попросил три. В итоге сошлись на двух и починке защёлки подарочного короба.

Когда Кэн вернулся, Лиора уже разгрузила плиту. Юнь держала раму, а один возница подложил под неё деревянный брус. Лиора приложила скобу к отверстиям.

— Подходит.

Кэн передал ей ремень.

— Мастеру должны две новые и ремонт защёлки.

— Запиши.

— Уже у Орина.

Она подвинулась, оставляя ему место у рамы. Кэн знал порядок Лиоры и не мешал раньше времени. Он держал раму, пока она затягивала скобу.

Лиора не спрашивала, где он взял деталь. Она знала: после прямого запрета Кэн не снимет крепёж с рабочей повозки, а долг запишет.

Через несколько минут плита снова стояла устойчиво. Кэн заметил, что порядок ремонта они ни разу не обсуждали. Лиора оставила ему поиск детали, а он вернулся, когда рама была готова. На дороге такая привычка экономила время без лишних слов.

Юнь покачала раму и посмотрела на Лиору.

— Теперь держится.

Лиора проверила крепление сама.

— Можно грузить.

Маэ наблюдала за ними от своего шатра. Когда работа закончилась, она подошла к телеге.

— Быстро исправили.

Кэн вытер руки о тряпку.

— Сорок один процент в действии.

Лиора промолчала, а Маэ осмотрела новое крепление.

— У вас высокая оперативная связность.

— Это почему не вошло в число?

— Вошло частично. Но такая связность может появиться после совместной работы и не означает бытовой совместимости.

— Мы живём в одном доме.

— Поэтому у вас есть тренировка и в быту. Но привычки всё равно расходятся.

Кэн уже собирался снова высмеять таблицу, но Лиора отвернулась к кухонному ящику и стала возвращать посуду. Разговор ей больше не был нужен.

Он понял, что шутка про сорок один ничего не облегчает. Лиору задело место, о котором они до сих пор не договорились. Кэн помог Юнь поднять ящик с чашками и больше ничего не сказал.

Перед выходом Сайя дала каравану короткую остановку. Орин проверил новую воду. Маэ сняла свой шатёр, но журнал оставила при себе. Проверка не изменила маршрут и никого не заставила принять предложенную замену. Кэну не нравилось признавать, что здесь Маэ действовала разумно.

Он нашёл Лиору возле передней повозки. Она проверяла, не нагрелась ли соль под кухонным ящиком после ремонта.

— Лиора.

Она подняла голову и подождала.

— Я понял, что тебе не смешно.

— Хорошо.

— Нет. На этот раз не так. Я правда понял.

Кэну пришлось продолжить без привычного выхода.

— Число ничего не решает. Но вопрос, в который оно попало, для тебя настоящий. Лиора немного расслабила плечи.

— Да.

— Я пока не знаю, как ответить лучше, чем «я возвращаюсь».

— Я не прошу придумать ответ сейчас.

— Знаю.

Кэну хотелось сразу предложить правило или срок и закрыть вопрос. Но Лиора просила не это. Она проверила соль ещё раз.

— Пойдём. Сайя уже собирает людей.

Кэн пошёл рядом.

На краю лагеря система снова открыла их профиль. Он собирался закрыть его, но появилась новая строка:

Отношения устойчивы только при неизменности текущих условий.

Кэн прочитал сообщение и на этот раз не пошутил.

— Очень полезное предсказание, — сказала Лиора. — Особенно в дороге.

Он посмотрел на неё, пытаясь понять, шутит ли теперь она. Уголок её рта едва двинулся.

Впереди первая повозка начала спускаться с соляного круга. Колесо прошло через границу стоянки, и красная линия маршрута сразу сместилась влево. Сайя подняла руку, останавливая караван.

Механическая звезда над ними тоже изменила ход. Она прошла поперёк прежнего курса и остановилась над новым белым следом. Соль впереди начала осыпаться с плотной полосы, открывая другую ветвь.

Орин развернул карту. На месте дороги, которую они проверяли вечером, появилось новое соединение к солончаку Первой Меры.

— Вчера его не было.

Сайя присела и коснулась края карты.

— Условия изменились.

Предупреждение возле имён Лиоры и Кэна всё ещё оставалось открытым. Проверка объявила отношения устойчивыми при неизменности условий, а дорога в ту же минуту перестроила маршрут.

Лиора закрыла журнал и позвала Юнь к кухонной телеге. Караван пока стоял, никто не повторял вчерашних обещаний и не пытался ехать по новой линии без проверки. Кэн остался рядом с Лиорой. Сорок один процент остался в журнале. Проверять его предстояло на дороге, где условия уже менялись.

Глава 9. Идеальный распорядок

Лиора не дала каравану двинуться по новой линии сразу. Пока Сайя и Орин спорили над картой, она поставила походную кухню поперёк ближайшей колеи и велела Юнь открыть журнал. Вчерашнее предупреждение про изменившиеся условия оставалось неприятным фоном. Сейчас важнее было другое: дорога перестроилась, люди устали, а перечная настройка всё ещё меняла их отношение к риску.

Первым подошёл возница с опухшими пальцами. Он утверждал, что чувствует себя нормально, хотя дважды промахнулся ремнём мимо пряжки. Лиора попросила его сесть и выпить воды. От кислой пробы он отказался. Она не стала убеждать.

— Тогда только вода и отдых.

— Я могу вести.

— После осмотра решим.

— Я не боюсь.

Лиора посмотрела на его руки.

— Мне сейчас важнее, попадаешь ли ты пальцами в пряжку.

Мужчина попробовал ещё раз и промахнулся. После этого сел сам.

Юнь поставила в журнале новую отметку. За последние часы она перестала записывать слова «устал» и «не устал». Люди под настройкой оценивали себя плохо. Юнь записывала только заметные признаки. Она отмечала дрожь в руках и ошибки в привычных движениях.

— Так проще, — сказала Юнь. — Они могут говорить, что всё хорошо. Руки не умеют врать так долго.

Лиора одобрила способ. До вечера проверки решили проводить каждые два часа. Никого не заставляли принимать вкусовые пробы. Для выхода на дорогу хватало обычного осмотра и воды, если человек не отказывался и от этого.

Когда правило объявили каравану, несколько возниц засмеялись. Один спросил, не будут ли им теперь считать каждый зевок.

Сайя уже собиралась дать команду к выезду, но Лиора остановила её.

— Сначала вода.

— Мы стоим почти час.

— Поэтому ещё десять минут не решат судьбу свадьбы.

— Десять минут утром, десять на осмотре, потом ещё остановка. К вечеру они станут двумя часами.

Орин подошёл с ведомостью и положил её на край кухонной телеги.

— Если не делать паузы, к вечеру потеряем больше.

Сайя резко повернулась к нему.

— Почему?

— За утро ушло почти на четверть больше воды, чем вчера за то же время. Люди пьют поздно и сразу много.

Он показал расчёт. После снижения настройки усталость возвращалась неравномерно. Человек долго не замечал жажду, потом опустошал кружку за несколько глотков. В запасе это уже дало заметную разницу.

Сайя перечитала цифры и перестала спорить.

— Хорошо. Десять минут.

Люди слышали разговор. Смех закончился быстрее, чем Лиора ожидала. Расчёт воды оказался убедительнее объяснений про телесные признаки.

Юнь поставила возле кухни два ведра и стала проверять очередного возницу. Лиора прошла вдоль колонны, отмечая, кто был осмотрен. Маэ Лин наблюдала со стороны и не вмешивалась, пока её не позвали.

— Такой режим замедлит караван, — сказала она.

— Зато мы увидим ухудшение до травмы.

— При высокой совместимости группы усталость обычно распределяется ровнее.

Лиора остановилась.

— Усталость не спрашивает про совместимость.

— Я говорю о поведении. Люди лучше подхватывают общий ритм.

— Если общий ритм плохой, они быстрее устанут вместе.

Маэ посмотрела на журнал Юнь и признала, что для медицинской части отметки полезны. Лиора оставила режим без изменений.

Новая дорога шла по краю солончака Первой Меры. Сайя хотела перестроить колонну: быстрые повозки вперёд, медленные назад. Так они быстрее добрались бы до вечерней вехи и успели проверить следующую развилку до темноты.

Лиора увидела проблему сразу. Раненая женщина ехала на медленной телеге, а запас воды находился ближе к голове. Если оставить порядок Сайи, любая остановка ради лечения разорвёт колонну.

— Кухня и вода остаются в середине.

Сайя развернула карту.

— Тогда передние повозки будут ждать.

— Пусть ждут.

— Это плохой порядок для движения.

— А твой плохой для людей, которым нужна помощь.

Сайя сдержалась, но по лицу было видно, что уступить она не хочет.

— Я отвечаю за темп.

— Я отвечаю за состояние людей.

Орин подошёл к ним позже и несколько минут просто смотрел на колонну. Потом попросил Сайю показать место, где дорога сужается перед первой вехой.

Он предложил идти двумя короткими рядами там, где соляная полоса достаточно широка. Медленные телеги оставались ближе к кухне. Быстрые могли обойти их справа и снова собраться в один ряд перед узким участком. Орин брал на себя повторный учёт груза после каждого перестроения, чтобы не потерять повозки из ведомости.

Сайя сначала проверила ширину дороги по карте.

— На половине пути полоса станет уже.

— Там снова собираемся в одну колонну.

Лиора спросила:

— Вода остаётся доступна с обеих сторон?

— Я переставлю одну бочку на вторую грузовую.

Сайя ещё раз посмотрела на схему и кивнула.

— Делаем так.

Лиора поймала себя на том, что решение сработало именно из-за разницы между ними. Сайя видела скорость и форму дороги. Орин — вес и положение груза. Лиора следила, чтобы к раненому можно было добраться без перестановки половины каравана. Если бы все трое пытались соблюдать один удобный порядок, важная часть работы обязательно осталась бы без внимания.

Кэн ехал на первой из кухонных телег и наблюдал за перестроением.

— У нас снова низкая совместимость с идеальным распорядком?

— Когда доедем без новой травмы, обсудим.

Он поднял ладонь и больше не мешал.

Первые два перехода прошли лучше, чем ожидала Сайя. Быстрые телеги обходили медленные только на широких участках. Когда Юнь поднимала белую дощечку, обе части колонны останавливались для воды. Через два часа число ошибок в журнале снизилось: люди перестали ждать, пока жажда станет сильной.

Орин задерживался у каждой перестановки и заново сверял повозки. Сайя несколько раз смотрела на него, но не торопила.

На третьей остановке она сама подошла к ведомости.

— Сколько теряем на учёте?

— Семь минут.

— А на ожидании медленных потеряли бы больше?

— Около двадцати.

— Тогда продолжаем.

Орин собирался ответить привычным «поддерживаю», но вместо этого показал следующую точку перестроения. Лиора это заметила.

К полудню солнце поднялось высоко. Белая поверхность отражала свет в лицо, и люди начали шуриться. Лиора велела натянуть боковой навес у кухни и перенести туда тех, кому нужен был короткий отдых. Никто не спорил, пока колонна держала хороший темп.

Проблема началась возле третьей повозки дома Кай.

Юнь первой увидела мальчика под кузовом.

— Стой!

Лиора обернулась. Невысокий подмастерье лет пятнадцати лежал на боку возле задней оси. Повозка уже тронулась, колесо медленно вращалось в нескольких ладонях от его плеча. Мальчик тянулся к деревянному клину, который вылез из крепления.

Лиора бросилась к вознице.

— Останови!

Лошади дёрнули упряжь. Возница натянул поводья, но повозка успела пройти ещё полшага. Мальчик попытался отползти и ударился кистью о каменный край колеи.

Орин подбежал с другой стороны и подпер колесо башмаком. Лиора встала на колени рядом с мальчиком.

— Не двигай рукой.

— Там клин вышел.

— Я вижу.

— Если бы выпал, ось пошла бы боком.

— Поэтому ты полез под движущуюся телегу?

Он смотрел на неё с искренним непониманием.

— Я успевал.

Лиора осторожно взяла его за запястье. Кисть уже опухала. Пальцами он двигал, но боль быстро усиливалась.

— Как зовут?

— Таро.

— Сколько лет?

— Пятнадцать.

Орин резко посмотрел на старшего мастера, который подбежал следом.

— Он работает в движении?

— Только простую работу делает. Подай, принеси, проверь крепление.

— Под повозку ему кто разрешил?

Мастер побледнел.

— Никто. Сам полез.

Таро попытался сесть.

— Я почти взрослый.

Лиора не отпустила руку.

— Взрослая работа не начинается с желания попасть под колесо.

— Я не попал.

— Потому что Юнь увидела.

Мальчик отвернулся. Страх в нём почти не было. Боль он уже чувствовал, но случившееся всё ещё оценивал как неудачную попытку помочь.

Маэ пришла после того, как ему наложили холодную повязку. Лиора спросила, участвовал ли Таро в свадебном благословении.

Мастер ответил вместо него:

— Весь дом участвовал.

— Ему объяснили, что настройка влияет на страх?

Таро посмотрел на взрослых.

— Нам сказали, что соль помогает не трусить в дороге.

Лиора спросила:

— Ты знал, что можешь хуже оценивать опасность?

Мальчик покачал головой.

— Нет.

Маэ открыла журнал и нашла запись дома Кай. Благословение действительно распространялось на всех участников каравана, перечисленных в семейной ведомости. Возраст отдельным условием не стоял.

Лиора почувствовала, как внутри поднимается злость, но не стала говорить раньше проверки руки. Таро согласился на осмотр и на обычное обезболивающее без вкусовой настройки. От кислого отказался.

— Не хочу, чтобы память о колесе стала ещё ярче.

— Хорошо. Не будем.

Это был его ответ, и Лиора его приняла.

Перелома, по первым признакам, не было, но кисть требовала покоя. До конца пути Таро выбывал из работы с повозками.

— Я могу хотя бы инструменты носить, — сказал он.

— Когда сможешь удерживать кружку без боли, обсудим.

— Но я должен учиться.

Орин присел рядом и сказал, что на сегодня уроков достаточно. Мальчик недовольно отвернулся.

Лиора оставила его под навесом рядом с кухней. Юнь записала травму и отдельно отметила: участник не знал, что благословение подавляет страх.

Маэ прочла запись и признала, что несовершеннолетним требовалось отдельное объяснение. Лиора возразила: взрослые тоже подписывали участие в пути, а не согласие потерять часть страха. Маэ не ответила.

Сайя подошла позже узнать, можно ли продолжать движение. Лиора разрешила, если Таро останется у кухни, а следующую проверку проведут через час. Сайя согласилась без спора.

Колонна двинулась снова. Теперь возле каждой повозки старшие сами проверяли, не лезут ли подмастерья под кузов на ходу. Одной травмы оказалось достаточно, чтобы смешки про лишние остановки прекратились окончательно.

К вечеру они дошли до низкой соляной вехи. Временный лагерь поставили рядом с дорогой. Лиора сначала проверила Таро. Отёк не увеличился, но рука всё ещё болела. Он поел и уснул раньше остальных.

После этого она нашла Маэ у счётного стола. Рядом лежали анкеты проверки совместности. Лиора попросила дать ей пустой экземпляр.

— Зачем?

— Хочу понять, что вы спрашиваете до расчёта.

Маэ передала лист.

Лиора читала медленно. Вопросы касались отношения к долгу, семейной работе и общему имуществу. Отдельно спрашивали про привычный способ спорить и готовность поддерживать партнёра в кризисе. Были вопросы о верности обещанию и способности сохранять выбранный маршрут под давлением.

Она дошла до конца и перевернула лист.

— Всё?

— Основной блок. Есть уточняющие вопросы по ответам.

— Где вопрос об отказе?

Маэ не сразу поняла.

— От чего?

— От прежнего обещания. Если условия изменились.

— Это учитывается через устойчивость.

— Я спрашиваю не об устойчивости. Человека спрашивают, способен ли он сказать «нет»?

Маэ закрыла журнал.

— Протокол ищет стабильный союз. Частый отказ снижает прогноз.

— Частый — да. А обоснованный?

— Если условия существенно меняются, возможен пересмотр.

— Кто решает, что изменение существенное?

— Протокол сравнивает исходные параметры.

Лиора положила анкету на стол.

— Мост разрушился. Для него это оказалось недостаточно. Запретная ветвь появилась после выезда, и это тоже не отменило полномочие.

Маэ выдержала её взгляд.

— Потому что конечная цель осталась прежней.

— Вот и проблема.

— Для дороги конечная цель важнее промежуточного риска.

— Для человека нет.

Маэ медленно убрала анкету к себе.

— Если каждый участник сможет отзывать обещание при любом изменении, система перестанет поддерживать длинные договоры.

— Я не предлагаю «при любом». Я спрашиваю, почему в анкете нет самого права изменить ответ.

— Потому что проверка должна предсказывать устойчивость, а не обучать отказу.

Лиора почувствовала, что наконец дошла до места, вокруг которого они ходили несколько дней.

— Вы считаете отказ дефектом.

— Я считаю неконтролируемый отказ риском.

— А протокол различает их?

Маэ замолчала.

Этого было достаточно.

Лиора взяла журнал Юнь и на чистом поле написала одну строку: «Проверка не спрашивает о праве пересмотреть обещание».

Маэ увидела запись.

— Это ваша трактовка.

— Это отсутствующий вопрос.

— Отсутствие вопроса ещё не доказывает принуждение.

— Нет. Но объясняет, почему система каждый раз принимает сомнение за неискренность.

Маэ согласилась дальше. Она только попросила добавить, что протокол создавался для договоров, от которых зависели маршруты нескольких семей.

Лиора добавила эту фразу рядом. Ей не нужно было делать из Маэ злодейку. Гораздо неприятнее было другое: Маэ искренне считала устойчивость общественным благом и поэтому не замечала момента, когда поддержка переходила в замену живого ответа.

Кэн подошёл после проверки упряжи и прочёл запись Лиоры.

— Наши сорок один тоже считали без этого вопроса?

— Да.

Маэ пояснила, что устойчивые ответы могли бы поднять результат. Кэн впервые не пошутил и сказал, что сорок один начинает ему нравиться. Лиора невольно улыбнулась.

Он сел рядом и попросил показать анкету. Прочитал несколько вопросов, потом вернул.

— Забавно. Мы не совпали в половине быта, зато оба плохо подходим системе, которая не любит пересмотр.

— Это ещё не делает нас подходящими друг другу.

— Знаю.

Ответ был спокойным. Лиоре понравилось, что он не попытался закрыть разговор привычной шуткой.

Сайя и Орин проверяли план на завтра. Лиора видела их через открытый полог. Она показывала вечернюю вежу, он считал воду. После расчёта Сайя переставила стоянку ближе.

Их высокий результат не мешал им расходиться в решениях. Низкий результат Лиоры и Кэна не мешал им чинить кухню без спора. Чем дольше Лиора смотрела на живую работу, тем меньше число напоминало приговор и тем больше — неполную карту.

Юнь принесла дневной журнал.

— Я нашла странное.

Лиора открыла последнюю страницу.

Девочка поставила рядом отметки тех, кого Маэ уже проверила на совместимость. Несколько человек с высоким результатом повторяли одинаковые фразы после старших. Один возница дважды сказал про «дорогу любой ценой» теми же словами, которыми говорил представитель дома Тэн. Женщина из дома Кай повторила формулировку мужа почти дословно, хотя утром сама объясняла решение иначе.

— Ты уверена? — спросила Лиора.

— Я сначала думала, просто запомнили. Потом посмотрела по времени. После высокой оценки они чаще говорят одинаково.

Кэн наклонился к журналу.

— Это из-за награды уверенности?

— Не знаю, — сказала Лиора.

Маэ взяла лист и просмотрела записи.

— Высокая совместимость обычно усиливает общий словарь. Люди быстрее принимают формулировки партнёра.

— Принимают или повторяют?

— Это нужно проверять.

— Завтра и проверим.

Она закрыла журнал. Таро спал под навесом с перевязанной рукой. Караван получил рабочий распорядок только потому, что Сайя, Орин и Лиора не пытались делать одно и то

же одинаково. А система по-прежнему награждала совпадение, не спрашивая, почему оно возникло и можно ли от него отказаться.

Перед сном Лиора добавила к записи Юнь ещё одну отметку: сравнить собственную формулировку человека до проверки и после высокой оценки. Если одинаковые ответы действительно становились привычнее после системного поощрения, это уже касалось не только смелости. Тогда протокол мог закреплять не решение, а удобный способ говорить о нём, пока чужие слова не начинали звучать как свои.

Глава 10. Храбрость без пульса

Кэн дождался, пока последний возница уйдёт от ремонтной стоянки, и посмотрел на треснувшую ось. Повозка стояла на подпорках со снятым колесом. Запись Юнь подсказала место проверки. Поломка давала реальный риск, на котором можно было увидеть действие настройки.

Сначала проверить всё на себе, а потом сообщить Лиоре Кэн больше не собирался. Он нашёл её у походной кухни. Она пробовала рассол из кислой сливы с солью и хмурилась: острый вкус после лечебных проб всё ещё работал хуже.

— Хочу взять часть статуса на свободную ячейку.

Лиора положила ложку.

— На сколько?

— Час для наблюдения. Если снимется раньше — прекрасно.

— Возможные последствия?

Кэн назвал главное: он может потерять оценку риска, а слух ещё не восстановился полностью. Сам он может не понять, когда пора прекращать.

Лиора вытерла руки и посмотрела на него.

— Поэтому нужен сигнал остановки.

— Да.

— И ты останавливаешься сразу, даже если считаешь, что всё нормально.

Кэн почувствовал знакомое сопротивление. Согласиться заранее на чужое слово было неприятно именно потому, что проверка касалась способности доверять собственной оценке.

— Сразу.

— Без торга?

— Это жестоко.

Она не улыбнулась.

— Без торга.

— Хорошо.

Юнь сидела рядом с журналом. Она должна была отмечать ошибки рук, дыхание и попытки продолжить работу после сигнала. Лиора не судила по лицу Кэна. Даже без статуса он умел выглядеть спокойнее, чем чувствовал себя.

Маэ Лин разрешила короткую медицинскую пробу со взрослым добровольцем. Лиора выбрала возницу, у которого настройка держалась сильнее всего. Он согласился передать часть эффекта, желая понять, почему два дня считал ожог пустяком.

Нара записала согласие обеих сторон и условие возврата.

Кэн присел напротив возницы и положил ладонь на край миски со свадебной солью. Свободная ячейка вкуса отзывалась прохладой под рёбрами. После Илмара он относился к этому осторожнее: любой перенос оставлял цену.

— Готов? — спросила Лиора.

— Да.

Маэ коснулась солью края повязки возницы, затем положила несколько крупинок на перчатку Кэна. Красный след прошёл по ткани и на мгновение обжёг кожу.

Перед взглядом появилась строка:

Временный перенос принят.

Параметр: подавление оценки страха.

Срок: ограниченный.

Сначала почти ничего не произошло. Потом треснувшая ось за спиной перестала раздражать своей ненадёжностью. Холод Кэн заметил только по тому, что Юнь натянула рукава на ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.